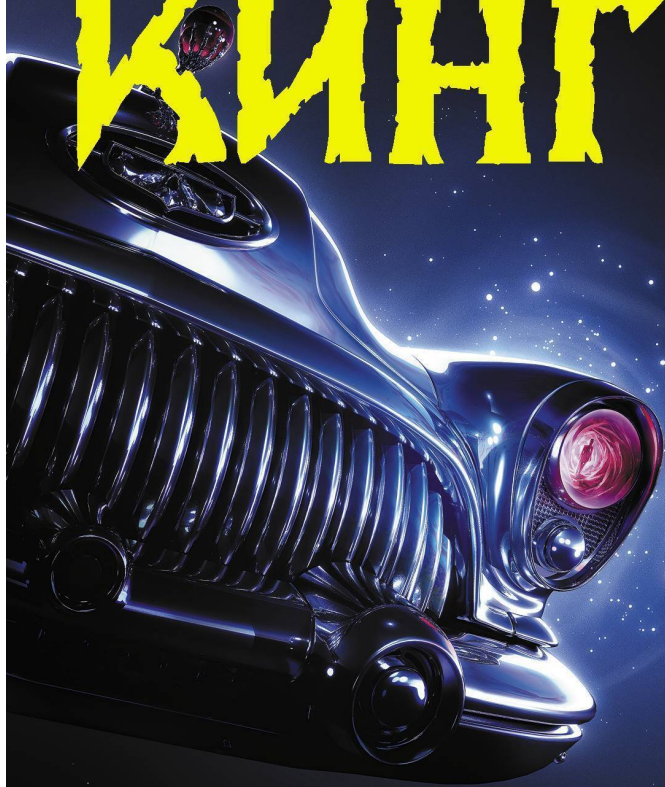

СТИВЕН КИНГ

Почти как «бьюик»

Стивен Кинг

Почти как «бьюик»

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123741
Почти как «бьюик»: Астрель; Москва; 2013*

Аннотация

...Это началось почти двадцать лет назад, когда в полицейском участке маленького городка появился конфискованный «при загадочных обстоятельствах» черный «бьюик»...

...Это продолжалось долгие годы – потому что почти все копы, связанные с историей «бьюика», погибли – и погибли скверно.

Теперь в полицейский участок городка приезжает новый стажер – мальчишка, готовый на все, чтобы разгадать тайну смерти своего отца – и черного «бьюика»...

Помочь ему способен только последний из оставшихся в живых...

Содержание

Теперь: Сэнди	4
Тогда	44
Теперь: Сэнди	56
Тогда	60
Теперь: Сэнди	79
Тогда	86
Теперь: Сэнди	112
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Стивен Кинг

Почти как «бьюик»

Посвящается Сурендре и Гите Патель

Теперь: Сэнди

В тот год после смерти Керта Уилкокса его сын частенько приходил к нам, действительно часто, но никто не говорил ему «Не мешайся под ногами» и не спрашивал, что он тут делает. Мы понимали, что он делает: пытается удержать память об отце. Копы много чего знают о психологии горя; большинство из нас знает больше, чем хотелось бы.

Нед Уилкокс учился в выпускном классе средней школы Стэтлера. Должно быть, ушел из футбольной команды; когда пришла пора выбирать, отдал предпочтение патрульному взводу Д. Трудно представить себе, что молодой здоровый парень может предпочесть неоплачиваемую работу по уборке территории играм по пятницам и вечеринкам по субботам, но именно так он и поступил. Не думаю, что кто-нибудь из нас говорил с ним о таком выборе, но за это-то мы его и уважали. Он решил, что пришло время покончить с играми, вот и все. Взрослые зачастую не способны на такие скорые решения; Нед принял свое, когда по закону еще не мог ку-

пить спиртное. Или, раз уж такой пошел разговор, пачку сигарет. Я думаю, отец гордился бы им. Более того, не думаю – знаю.

Судя по времени, что паренек проводил с нами, он не мог не увидеть некоего объекта, который стоял в гараже Б, и не спросить, откуда он взялся и почему находится там. Наверное, он спросил бы меня, потому что я был самым близким другом его отца. Самым близким из тех, кто еще служил в дорожной полиции. Да я и сам хотел, чтобы это случилось. Как говаривали старики, это средство или убьет, или излечит. Любопытство до добра не доводит, но все-таки это не порок. И я не имел ничего против того, чтобы ввести Неда в курс дела.

В случившемся с Кертисом Уилкоксом не было ничего загадочного. Известный в округе пьяница, которого Керт прекрасно знал и арестовывал шесть или восемь раз, отправил его в мир иной. Пьяница Брэдли Роуч никому не хотел причинить вреда; за пьяницами такого не водится. Но от этого желания гнать их пинками до самого Роксбурга не убывает.

В конце жаркого июльского дня две тысячи первого года Кертис остановил один из больших восемнадцатиколесников, этих сухопутных дредноутов, водитель которого покинул четырехполосную автостраду в надежде на обед в семейном кафе. Не хотелось ему в очередной раз травить организм в «Бургер кинг» или «Тако белл». Керт припарковался на заброшенной автозаправочной станции «Дженни» на пе-

ресечении шоссе 32 и Гумбольдт-роуд, другими словами, в том самом месте, где много лет назад и появился в нашей части вселенной этот чертов «бьюик роудмастер»¹. Вы можете назвать сие совпадением, но я – коп и в совпадения не верю, только в цепочки событий, которые удлиняются, утончаются, пока несчастье или человеческая злоба не рвет их.

Отец Неда поехал за этим трейлером, потому что с колеса сорвало протектор. Когда трейлер проезжал мимо, Нед увидел, что он крутится на одном из задних колес, словно большой черный обруч. Многие владельцы большегрузных грузовиков используют резину с восстановленным протектором, уж приходится: слишком дорого дизельное топливо, вот иногда протектор и срывает. Куски его частенько лежат на автострадах, на обочинах, у разделительного ограждения, напоминая шкуры гигантских черных змей. Ехать за грузовиком, с одного из задних колес которого сорвало протектор, опасно, особенно на двухполосной дороге вроде шоссе 32, соединяющего Роксбург и Стэтлер. Достаточно большой отлетевший кусок может разбить ветровое стекло. Если и не разобьет, так напугает водителя, что тот произвольно вывернет руль, угодит в канаву, в дерево, а то и слетит с насыпи в Редферн-стрим: на отрезке почти в шесть миль шоссе

¹ «Бьюик роудмастер» – первая двухдверная с открытым верхом модель с таким названием появилась в 1949 году и сразу привлекла внимание запоминающимся внешним видом. Характерная особенность – «зубастая» радиаторная решетка от крыла до крыла. Модификации под этим названием продолжают выпускаться и ныне. – *Здесь и далее примеч. пер.*

проложено аккуратно по берегу реки.

Керт включил маячки, и водитель, как послушный мальчишка, свернул на обочину. Керт пристроился ему в затылок, первым делом связался с диспетчером, доложил о причине остановки и дождался ответа Ширли. Потом вылез из патрульной машины и направился к грузовику.

Если бы он сразу подошел к кабине, откуда уже высунулся водитель, скорее всего и сейчас топтал бы ногами планету Земля. Но задержался у заднего колеса, с которого сорвало протектор, даже дернул его, чтобы посмотреть, хватит ли сил разорвать. Водитель все это видел и дал соответствующие показания в суде. Задержка Керта у задних колес и стала предпоследним звеном в цепи событий, которые привели его сына в патрульный взвод Д, и он стал одним из нас. А замкнул цепочку, как я и говорил, Брэдли Роуч, наклонившийся, чтобы достать банку пива из упаковки на полу у пассажирского сиденья его старого «бьюик регал» (не тот «бьюик», о котором пойдет речь дальше, но тоже «бьюик», все так. Забавно, знаете ли: когда речь идет о несчастьях и любовных делах, вещи выстраиваются, как планеты в астрологическом гороскопе). Меньше чем через минуту Нед Уилкоккс и его две сестры остались без отца, а Мишель Уилкоккс – без мужа.

Вскоре после похорон сын Керта начал захаживать в расположение патрульного взвода Д. Той осенью я работал с

трех дня до одиннадцати вечера (скорее контролировал, как идут дела, такая у меня теперь была работа) и, приезжая, первым делом видел парня, нравилось мне это или нет. Пока все его друзья носились по полю имени Флойда Б. Клоуза, разыгрывали комбинации, укладывали на землю манекены и отрабатывали удары по мячу, Нед сам по себе, в зеленом с золотом пиджаке школьной формы собирал в большие кучи опавшие листья. Он махал мне рукой, я отвечал тем же: ты, мол, все делаешь правильно, парень. Иногда, поставив автомобиль на стоянку, я выходил на лужайку, чтобы поболтать с ним. Он рассказывал о последних глупых выходках сестер, смеялся, но, несмотря на смех, чувствовалось, что он их очень любит. Иногда я сразу входил в здание через дверь черного хода и спрашивал Ширли, как идут дела. Служба охраны правопорядка на дорогах Западной Пенсильвании без Ширли Пастернак развалилась бы, как карточный домик, и, заверяю вас, это не пустые слова.

Зимой Нед обретался на стоянке, где патрульные оставляли свои автомобили, убирал снег. За уборку нашей стоянки деньги получают братья Дадьеры, из местных, но взвод Д базируется в стране амишей², у подножия Низких холмов,

² Амиши – консервативная секта меннонитов. Названа по имени основателя, Якоба Аммана. Основана в Швейцарии в 1690 г. В 1714 г. члены секты переселились на территорию современного штата Пенсильвания (сейчас проживают во многих других штатах, в частности в Айове, Мичигане, Небраске). Живут в сельских общинах. Буквальное толкование Библии запрещает им пользоваться электричеством, автомобилями и т. д. Амиши носят бороду (без усов), старо-

и частенько случается, что ветер наметает сугробы сразу после отъезда снегоуборочной техники. Мне они напоминали огромные белые ребра. С этими сугробами и разбирался Нед. Даже если температура опускалась до восьми градусов³, а с холмов дул ураганный ветер, он убирал снег – в комбинезоне (в таких ездят на снегоходах), с надетым поверх зеленым с золотым пиджаке школьной формы, кожаных перчатках патрульного и горнолыжной маске-шлеме. Я махал ему рукой, он вскидывал в ответ правую, затем продолжать атаковать сугробы на снегоочистителе. Потом заходил, чтобы выпить кофе или чашку горячего шоколада. Патрульные спрашивали его, как дела в школе, слушаются ли его близняшки (в две тысячи первом его сестрам вроде бы исполнилось по десять). Спрашивали, ничего ли не нужно матери. Иногда подходил к нему и я, если какой-нибудь разгневанный налогоплательщик не возмущался работой полиции и удавалось справиться с бумажным потоком. Никто не упоминал его отца, но во всех разговорах он незримо присутствовал. Вы понимаете.

Вообще-то обязанность сгребать листья и убирать сугробы на стоянке лежала на Арки Арканяне, стороже. Он был одним из нас и никогда не злился и не ругался, если кто-то

модную одежду с крючками вместо пуговиц, пользуются плугом в земледелии, строго соблюдают день отдохновения.

³ 8 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют минус 13,3 градуса по шкале Цельсия. Поскольку температуры в романе будут приводиться часто, далее в сносках будет указываться только значение температуры по шкале Цельсия.

брался выполнять его работу. Черт, да когда начинал валить снег, готов спорить, Арки мог бы встать на колени и поблагодарить Бога, что тот послал нам этого парня. Арки уже перевалило за шестьдесят, так что для него дни, когда он играл в футбол, остались в далеком прошлом. Как и времена, когда он мог быть на улице полтора часа при температуре в десять градусов⁴ (на двадцать пять⁵ ниже, если учесть ветер), не испытывая никаких неудобств.

А потом парень связался с Ширли, на работе – полицейским оператором средств коммуникации Пастернак. К весне Нед все больше и больше времени проводил в ее маленьком закутке со всеми телефонами, ТУГ (телефонное устройство для глухих), картой местонахождения патрульных (так называемой Д-картой) и компьютером, мозговым центром этого маленького, но живущего очень напряженной жизнью мирка. Она объяснила ему назначение всех телефонов (самый важный – красный, наш конец линии 911). Рассказала, что все оборудование должно проверяться раз в неделю, и показала, как это делается. Показала, как проводится ежедневная переключка, чтобы диспетчер точно знал, кто патрулирует дороги Стэтлера, Лассбурга и Погус-Сити, кто дает показания в суде, а у кого выходной.

– Самый мой кошмарный сон – потерять патрульного, не зная, что я потеряла его, – как-то раз услышал я слова, об-

⁴ минус 12,2.

⁵ минус 26.

ращенные к Неду.

– Такое случилось? – спросил Нед. – Вы... теряли парня?

– Однажды, – ответила она. – До того, как начала здесь работать. Нед, я сделала тебе копию перечня всех кодов. Мы больше не должны ими пользоваться, но у патрульных они в ходу. Чтобы работать в коммуникационном центре, их надо знать.

Потом она вернулась к четырем основным принципам, на которых строилась ее работа: знать место, знать характер происшествия, знать, есть ли пострадавшие, и знать, где находится ближайшая патрульная машина. Место, происшествие, пострадавшие, БПМ – такова была ее мантра.

Я подумал: «Он скоро сядет за диспетчерский пульт. Она хочет, чтобы он сел. И пусть она потеряет работу, если полковник Тегью или кто-то из Скрантона приедет и увидит, что она делает. Она хочет, чтобы он научился ее работе».

Когда я первый раз застал его одного в коммуникационном центре, он аж подпрыгнул и виновато улыбнулся, совсем как мальчишка, которого мать застучала в тот самый момент, когда он залез в лифчик подружки. Я лишь кивнул ему и пошел дальше, благо дел хватало. И никаких опасений у меня не возникло. Ширли оставила коммуникационный центр стэтлеровского взвода Д на попечение мальчишки, который брился лишь три раза в неделю, почти дюжина патрульных находились на связи, но я даже не замедлил шага. Мы же все держали в голове его отца, понимаете. Ширли,

Арки, я и другие патрульные, с которыми Кертис Уилкокк прослужил более двадцати лет. Говорить можно не только вслух. Иногда это никакого значения и не имеет. Человек просто должен отличать главное от второстепенного.

Скрывшись из его поля зрения, я, впрочем, остановился. Постоял. Послушал. В той же комнате Ширли стояла у окна с чашкой кофе в руке. Смотрела на меня. Как и Фил Кандлтон, недавно закончивший смену и уже передевшийся в гражданское.

В коммуникационном центре затрещало радио.

– Стэтлер, это двенадцатый, – произнес мужской голос. Радио искажает голоса, но своих я по-прежнему узнавал. На связь вышел Эдди Джейкобу.

– Стэтлер слушает, говорите, – ответил Нед. Совершенно спокойно. Если и боялся ответственности, которая легла на его плечи, то голосом себя не выдал.

– Стэтлер, у меня «фольксваген-джетта», номер 14-0-7-3-9 Фокстрот, это Пенсильвания. Стоим на дороге 99. Мне нужен 10–28, прием.

Ширли рванулась через комнату. Кофе выплеснулся из чашки ей на руку. Я взял ее за локоть, остановил. Эдди Джейкобу находился на сельской дороге, он только что остановил водителя «джетты» за какое-то правонарушение, скорее всего за превышение скорости, и ему хотелось знать, что известно как об автомобиле, так и о его владельце. Хотелось знать, потому что он собирался покинуть патрульную маши-

ну и подойти к «джетте». Хотелось знать, потому что он мог подставиться под пулю – сегодня, как и в любой другой день. Не в угоне ли «джетта»? Не попадала ли в аварию в последние шесть месяцев? Есть ли у водителя судимости? Убил он кого-нибудь? Ограбил? Изнасиловал? Не числятся ли за ним неоплаченные штрафы за неправильную парковку?

Эдди имел право все это знать, и необходимая информация хранилась в банках памяти. Но Эдди имел также право знать, почему ученик средней школы только что сказал ему: «Это Стэтлер, говорите». Я подумал – решать Эдди. Если сейчас он скажет: «Где, черт побери, Ширли?» – я отпущу ее локоть. А вот если Эдди этого вопроса не задаст, тогда мне хотелось бы посмотреть, что сделает наш герой. И как он это сделает.

– Двенадцатый, подождите. – Если Неда и прошиб пот, на голосе это никак не отразилось. Он повернулся к дисплею компьютера, включил «Uniscorpe», поисковую программу, которая используется полицией штата Пенсильвания. Ввел исходные данные, потом решительно нажал на клавишу «ENTER».

Последовала пауза, во время которой мы с Ширли стояли бок о бок и вместе надеялись. Надеялись, что парень вдруг не обратится в статую. Надеялись, что не отодвинет стул и не выбежит из коммуникационного центра. Надеялись, что он послал правильный запрос и получит нужный ответ. Пауза затянулась на целую вечность. Я слышал, как зачирикала ка-

кая-то птица. Издалека доносилось мерное гудение самолета. Мне хватило времени подумать о цепочках событий, которые люди зачастую предпочитали называть совпадениями. Одна из таких цепочек разорвалась, когда отец Неда погиб на шоссе 32; здесь и сейчас начинала формироваться другая. Эдди Джейкобу, надо честно признать, не семи пядей во лбу, подсоединился к Неду Уилкоксу. А следующим звеном становился «фольксваген-джетта». И водитель, кем бы он ни был.

Наконец:

– Двенадцатый, это Стэтлер.

– Двенадцатый слушает.

– «Джетта» зарегистрирована на Уильяма Керка Фрейди из Питтсбурга. Ранее он... э... подождите...

То была его первая заминка, и я мог слышать торопливое шуршание бумаг: он искал листок с кодами правонарушений, полученный от Ширли. Нашел, что-то недовольно буркнул себе под нос. Все это время Эдди терпеливо ждал за рулем своей патрульной машины в двенадцати милях к западу. Возможно, смотрел на повозки амишей, возможно, на фермерский дом, на одном из окон которого отодвинули занавеску, демонстрируя, что в проживающей в нем семье амишей есть дочь на выданье, возможно, на далекие холмы Огайо. Только всего этого он в тот момент не видел. Потому что полностью сосредоточил внимание на стоящей на обочине «джетте». Водителя он тоже не видел – только силуэт за

стеклом. И кто он, этот водитель? Богач? Бедняк? Нищий? Вор?

На этот вопрос ответил Нед:

– Двенадцатый, Фрейди трижды наказывался за УТСНВ, вы поняли?

Итак, водитель «джетты» – пьяница, которого трижды наказывали за управление транспортным средством в нетрезвом виде. Может, сейчас он и был трезвым, но если превысил скорость, почти наверняка выпил.

– Понял, Стэтлер, – лаконично, как и положено. – Сейчас у него все в порядке? – Эдди хотел знать, имел ли право водитель «джетты» садиться за руль, закончился ли срок последнего наложенного на него взыскания.

– Э... – Нед вглядывался в белые буквы на синем экране. *«Ответ перед тобой, парень, неужто ты не видишь?»* – Я затаил дыхание.

– Да, Двенадцатый. Водительское удостоверение возвращено ему три месяца назад.

Я выдохнул. Рядом со мной выдохнула Ширли. И Эдди получил хорошие новости. Фрейди имел право управлять автомобилем, следовательно, не проявит особой агрессивности. За это говорила наша многолетняя практика.

– Двенадцатый идет на контакт, принято?

– Принято, Двенадцатый идет на контакт, остаюсь на связи, – ответил Нед. Я услышал щелчок и глубокий выдох облегчения. Кивнул Ширли, которая подошла ближе к комму-

никационному центру. А сам поднял руку и вытер лоб, не удивившись, что он мокрый от пота.

– Как идут дела? – спросила Ширли. Ровным, спокойным голосом, всем своим видом показывая, что, по ее разумению, на западном фронте тишь и благодать.

– На связь вышел Эдди Джейкобу, – ответил Нед. – У него 10–27. – В переводе на язык штатских это означало – проверка документов. Но патрульному говорило, что водитель в девяти случаях из десяти нарушил правила. В голосе Неда прорывалось волнение, но что с того? Теперь он имел полное право дать волю чувствам. – Он остановил «джетту» на дороге 99. Я передал запрошенную информацию.

– Расскажи подробнее, – попросила Ширли. – Что ты делал, по этапам, Нед. И побыстрее.

Я сдвинулся с места. У двери в мой кабинет меня перехватил Фил Кандлтон. Кивнул головой в сторону коммуникационного центра.

– Как малец справился?

– Все сделал правильно, – ответил я и прошел к себе. Только сев за стол, почувствовал, как дрожат ноги – прямо как ватные.

Его сестры, Джоан и Джанет, были похожи как две капли воды. Они были неразлучными, а мать видела в них лишь самую малость от погибшего мужа: синие глаза, светлые волосы, пухлые губы (не зря же к Керту прилепилось прозвище

Элвис). Мишель видела своего мужа в сынке, который взял от отца практически все. Добавить несколько морщинок у глаз, и Нед выглядел бы точь-в-точь как Кертис в тот год, когда он поступил на службу в полицию.

Им Кертиса заменял он. Неду – мы.

Как-то в апреле он появился в расположении роты, сияя, как медный таз. Улыбаясь, Нед еще больше молодедел, становился еще красивее. Но я, помнится, подумал, что мы все становимся моложе и красивее, если улыбаемся от души и действительно счастливы, а не пытаемся под учтивой маской скрывать истинные чувства. Улыбка Неда тогда просто поразила меня: я вдруг понял, что до этого он практически не улыбался. А так широко – уж точно. Не думаю, что такая мысль приходила мне в голову раньше, верно потому, что он всегда был вежливым, ответственным, сообразительным. То есть человеком, с которым приятно иметь дело. И его серьезность как-то не замечалась, пока он не позволил себе улыбнуться.

Он вышел на середину комнаты, и все разговоры стихли. В руке он держал бумагу. С золотым гербом наверху.

– Питтсбург! – Обеими руками он поднял бумагу над головой, словно олимпийскую медаль. – Меня приняли в Питтсбургский университет! И дали мне стипендию! Практически полностью покрывающую оплату обучения!

Все зааплодировали. Ширли чмокнула его прямо в гу-

бы, отчего парнишка залился краской. Хадди Ройер, который, несмотря на выходной, болтался в расположении взвода, ворча по поводу судебного процесса, где ему предстояло давать показания, вышел и вернулся с пакетом пирожков. Арки своим ключом открыл автомат с баночками прохладительных напитков, и мы устроили пир. Уложились где-то в полчаса, не больше, и разошлись в прекрасном настроении. Все пожимали руку Неду, письмо из Питтсбургского университета обошло комнату (я думаю, дважды), два копа, которые в этот день не работали, специально приехали из дому, чтобы перекинуться с Недом парой слов и поздравить его.

А потом, конечно, пришлось спускаться с облаков на грешную землю. Западная Пенсильвания – место спокойное, но все же не кладбище. Загорелся дом в Погус-Сити (этот городишко такой же Сити, как я – эрц-герцог Фердинанд), на дороге 20 перевернулась повозка амишей. Амиши держатся обособленно, но в таких случаях от помощи не отказываются. Лошадь не пострадала, а это главное. Основные происшествия с повозками происходят на вечера пятницы и субботы, когда молодые ребята в черном отдают должное спиртному. Иной раз какой-нибудь доброхот покупает им бутылку или ящик пива «Айрон-Сити», иногда они пьют пойло собственного приготовления, убойный самогон, который не поднесешь и заклтому врагу. Таковы реалии жизни. Это наш мир, и мы по большей части его любим, включая амишей с их богатыми фермами и оранжевыми треугольниками на задках

маленьких аккуратных тележек.

И конечно, на мне лежала работа с документацией, с бумагами, которых с каждым годом становилось все больше. Теперь я уже не понимаю, почему хотел стать начальником. Я сдал экзамен на звание сержанта, когда Тони Скундист обратился ко мне с таким предложением, следовательно, тогда видел в этом какой-то смысл, но нынче точно не вижу.

Где-то в шесть вечера я вышел покурить. Для этого у нас есть специальная скамья у автомобильной стоянки. С нее открывается совсем неплохой вид. Нед Уилкокс сидел на скамье с письмом из Питтсбургского университета в одной руке, а по его лицу катились слезы. Посмотрел на меня, отвернулся, вытер глаза ладонью свободной руки.

Я сел рядом, хотел обнять за плечо, но не стал этого делать. Обычно такое сочувствие выглядит фальшиво. По моему разумению. Я – холостяк, все мои знания об отцовстве могут уместиться на булавоочной головке, где еще останется место для молитвы «Отче наш». Поэтому я закурил и какое-то время вдыхал и выдыхал дым.

– Все нормально, Нед, – наконец выдавил я из себя. Все, что смог придумать, хотя так и не понял, что могли означать мои слова.

– Я знаю, – ответил он сдавленным, пытающимся сдержать слезы голосом и тут же добавил, словно продолжил предложение, мысль: – Нет, не нормально.

И по интонации я понял, что он очень обижен. Что-то его

крепко мучило, не давало покоя.

Я курил и молчал. На дальней стороне автостоянки стояли деревянные постройки, которые давно следовало или подновить, или снести. Раньше в них хранилась разнообразная дорожная техника округа Стэтлер, грейдеры, бульдозеры, асфальтоукладчики, но десять лет назад для них построили новый большой каменный ангар, очень напоминающий тюрьму. От всего дорожного хозяйства осталась огромная куча соли (солью мы пользовались, отщипывали помаленьку, но куча, можно сказать, гора, не убывала). Среди этих построек находился и гараж Б. Черные буквы на раздвигаемых воротах заметно выцвели, но еще читались. Думал ли я о «бьюике роудмастере», который стоял за этими воротами, когда сидел рядом с плачущим парнишкой и неловко хотел обнять его? Не знаю. Может, и думал, но не уверен, что нам самим известны все наши мысли. Фрейд, конечно, напридумывал много всякой чуши, но в этом, пожалуй, не ошибался. Я ничего не знаю о подсознании, но в голове каждого из нас есть свой пульс, это точно так же, как и в груди, и пульс этот несет в себе бесформенные, не выражаемые словами мысли, которые по большей части мы не можем даже понять, хотя обычно это важные мысли.

– Что сказала твоя мать, когда ты показал ей это письмо?
Он рассмеялся.

– Не сказала. Закричала, словно только что выиграла в телевикторине поездку на Бермуды. А потом заплакала. – Нед

повернулся ко мне. Слезы на щеках высохли, но глаза заметно покраснели. И выглядел он куда моложе своих восемнадцати. На лице сверкнула короткая улыбка. – Конечно, она очень обрадовалась. Как и маленькие Джи. Как и вы. Ширли поцеловала меня... у меня по коже пробежали мурашки.

Я рассмеялся, подумав, что мурашки пробежали и по коже Ширли. Он ей, конечно, нравился, парень-то симпатичный, и мысль сыграть роль миссис Робинсон вполне могла прийти ей в голову. Необязательно приходила, но могла. Ее муж уже двадцать лет как пропал из виду.

Улыбка Неда поблекла. Он посмотрел на письмо из университета.

– Я знал, что ответ положительный, как только достал письмо из почтового ящика. Каким-то образом мог это знать. И мне снова стало недоставать его. Совсем как раньше.

– Я знаю. – Но, разумеется, я не знал. Мой отец жив и сейчас – крепкий, энергичный, любящий крепкое словцо семидесятичетырехлетний мужчина. И моя мать в свои семьдесят особо не жалуется на здоровье.

Нед вздохнул, посмотрел на холмы.

– Он так глупо погиб. Я даже не смогу сказать своим детям, если они у меня будут, что их дедушка пал под градом пуль, преследуя грабителей банка или террористов, пытавшихся заложить бомбу под здание окружного суда. Ничего такого не было.

– Да, – согласился я, – не было.

– Я даже не смогу сказать, что он потерял бдительность.

Он просто... мимо проезжал пьяница, и он просто...

Нед наклонился вперед, словно старик, у которого скрутило живот, и тут я положил руку ему на спину. Он очень старался не расплакаться, это было видно. Старался выглядеть настоящим мужчиной, уж не знаю, что это означало для восемнадцатилетнего парнишки.

– Нед. Не надо.

Он яростно замотал головой.

– Если есть Бог, тогда должна быть причина. – Он смотрел в землю. Моя рука все еще лежала у него на спине, и я чувствовал, как она поднимается и опускается, словно он только что пробежал длинную дистанцию. – Если есть Бог, должна быть какая-то логика событий. Но ее нет. Во всяком случае, я ее не вижу.

– Если у тебя будут дети, Нед, ты сможешь сказать, что их дедушка умер, выполняя свой долг. Потом приведи их сюда, покажи им его фамилию на доске павших, рядом с другими.

Он вроде бы меня не слышал.

– Мне снится сон. Плохой сон. – Он замолчал, словно задумался, как выразить свою мысль словами, потом продолжил: – Мне снится, что все это сон. Вы понимаете, о чем я?

Я кивнул.

– Я просыпаюсь в слезах, оглядываю комнату. Она залита солнечным светом. Поют птицы. Утро. Снизу доносится

запах кофе, и я думаю: «Он в порядке. Слава тебе, Господи, мой отец жив и здоров». Я не слышу его голоса, просто знаю. И думаю: что за глупость, конечно же, он не мог идти вдоль трейлера, чтобы сказать водителю, что у него с заднего колеса сорвало протектор, и попасть под автомобиль, за рулем которого сидел пьяница. Такую глупость можно увидеть только в глупом сне, где все может показаться таким реальным... и я начинаю перекидывать ноги через край кровати... иногда я вижу, как мои лодыжки попадают в полосу солнечного света... даже чувствую его тепло... а потом просыпаюсь, еще ночь, я укрыт одеялом, но мне очень холодно, я просто дрожу от холода и знаю, что это всего лишь сон.

– Ужасно, – ответил я, вспомнив, что в детстве мне снился точно такой же сон. Только про мою собаку. Собрался уже сказать ему, но передумал. Горе, оно всегда горе, но собака – не отец.

– Все было бы не так плохо, если б я видел этот сон каждую ночь. Тогда, думаю, я бы понял, даже во сне, что не пахнет никаким кофе и до утра еще далеко. Но каждую ночь он не приходит... не приходит... а когда я его вижу, он опять обманывает меня. Я такой радостный, такой счастливый, думаю, что чем-нибудь порадую его, скажем, куплю на день рождения армейский нож, который ему так нравился... и просыпаюсь. Вновь чувствую себя обманутым. – Может, мысли о дне рождения отца, который в этом году не праздновали, вызвали новый поток слез. – Это так ужасно, быть

обманутым. Совсем как в тот день, когда мистер Джонс вызвал меня с урока всемирной истории, чтобы сообщить, что случилось, только хуже. Потому что я один, когда просыпаюсь в темноте. Мистер Гренвиль, наш школьный психолог, говорит, что время лечит раны, но прошел почти год, а я все вижу этот сон.

Я кивнул. Я помнил Десять Фунтов, застреленного охотником как-то в ноябре, уже остывшем в луже собственной крови, под белым небом, когда я его нашел. Белое небо обещало снежную зиму. В моем сне я всегда находил другую собаку, не Десять Фунтов, и всякий раз испытывал безмерное облегчение. До той секунды, как просыпался. Подумав о Десяти Фунтах, я вспомнил нашего пса-талисмана давних времен. Его называли Мистер Диллон, в честь шерифа из телесериала, сыгранного Джеймсом Арнессом. Хороший был пес.

– Мне знакомо это чувство, Нед.

– Правда? – Он с надеждой посмотрел на меня.

– Да. И со временем оно уходит. Поверь мне, уходит. Но он был твоим отцом, не одноклассником или соседом. Возможно, этот сон будет тебе сниться и следующий год. Возможно, и десять лет ты будешь, хоть и реже, видеть его.

– Это кошмар.

– Нет. – Я покачал головой. – Это память.

– Если бы была причина. – Он впился в меня взглядом. –

Чертова причина. Вы понимаете?

– Конечно.

– Думаете, она есть?

Я уже хотел сказать ему, что ничего не знаю насчет причин, только насчет цепочек событий... как они формируются, звено за звеном, из ничего, как вплетаются в уже существующий мир. Иногда можно ухватиться за такую вот цепь и, воспользовавшись ею, вытянуть себя из темноты. Но по большей части в них запутываются. Если просто запутываются, считай, что повезло. Если же цепи становятся удавками – то нет.

И тут я заметил, что опять смотрю через автостоянку на гараж Б. Смотрю и думаю: если с умом воспользоваться тем, что стоит под его крышей, Нед Уилкокс, возможно, привыкнет жить без отца. Люди привыкают практически ко всему. Полагаю, это главный закон нашей жизни. И конечно же, главный кошмар.

– Сэнди? О чем вы думаете?

– Я думаю, ты обратился не по адресу. Я многое знаю насчет работы, надежды. Как отправить какого-нибудь психа на встречу с ЗПД.

Он улыбнулся. В патрульном взводе Д о ЗПД все говорили очень серьезно, словно речь шла об одном из подразделений сил охраны правопорядка. На самом деле эта аббревиатура расшифровывалась как «золотые пенсионные денечки». Я думаю, ЗПД ввел в наш лексикон Хадди Ройер.

– Я также знаю, как сохранять вещественные доказательства, чтобы ни один шустрый адвокат не вышиб из-под те-

бя стул во время судебного процесса, выставив на посмешище. А в остальном я обычный, мало что понимающий в этой жизни американский мужчина.

– По крайней мере вы – честный.

Но был ли я честен? Или ждал этого чертова вопроса? Честным я себя тогда не чувствовал. Скорее ощущал себя человеком, который, не умея плавать, смотрит на ребенка, барахтающегося на глубокой воде. И вновь мой взгляд вернулся к гаражу Б. «Здесь холодно? – в стародавние времена спросил отец этого мальчика. – Здесь холодно или мне кажется?»

Нет, ничего ему не казалось.

– О чем вы задумались, Сэнди?

– Ничего особенного, – ответил я. – Как ты собираешься провести это лето?

– А?

– Что ты собираешься делать этим летом? – Уж точно не играть в гольф в Мэне или ходить под парусом на озере Тахо. Стипендия или нет, Неду требовались зелененькие бумажки.

– Наверное, пойду в департамент парков и организации отдыха, – ответил он. – Я работал там прошлым летом, до того как... вы знаете.

До того, как погиб его отец. Я кивнул.

– Я получил письмо от Тома Маккланнахэна. Пишет, что держит для меня место. Упомянул о тренировке детской бейсбольной команды, но, думаю, это всего лишь приманка.

В основном придется махать лопатой и устанавливать распылители для полива, как в прошлом году. Я могу махать лопатой и не боюсь испачкать руки. Но, Том... – Он пожал плечами, вместо того чтобы закончить фразу.

Я знал, о чем умолчал Нед. Есть два вида алкоголиков, которые еще способны работать. Одни такие крепкие, что им удастся и пить, и работать, другие такие милые, что люди покрывают их промашки, пока они не переходят черту безумия. Том относился к крепким – последний побег семейного дерева, укоренившегося в плодородной почве округа в начале девятнадцатого столетия. Маккланнахэны подарили обществу сенатора, двух членов палаты представителей, полдюжину членов законодательного собрания Пенсильвании и множество чиновников округа Стэтлер. Том, по всем меркам, был строгим боссом, лишенным, правда, политического честолюбия. И ему нравилось учить подростков вроде Неда, тихих и хорошо воспитанных, добиваться своего и толкаться локтями. И разумеется, по мнению Тома, им никогда не хватало ни настырности, ни силы в локтях.

– Пока не пиши ответа, – сказал я. – Сначала я хочу кое с кем переговорить.

Я думал, он проявит любопытство, но Нед только кивнул. Я смотрел на него, сидящего на скамье, с письмом на колене, и думал, что он больше похож на юношу, которому отказали в приеме в колледж, чем на получившего сообщение, что его не только приняли, но и положили большую стипендию.

Потом пришла другая мысль. Отказали не в приеме в колледж, а в месте в жизни. Конечно, действительности это не соответствовало, письмо из Питтсбурга – тому свидетельство, но в тот момент у меня сложилось такое вот впечатление. Не знаю, почему успех иной раз повергает нас в большее уныние, чем неудача, но это так. И помните, ему было лишь восемнадцать, возраст Гамлета, если таковой реально существовал.

В какой уж раз я посмотрел на гараж Б, думая о том, что в нем стоит. Никто из нас этого не знал.

* * *

Наутро я позвонил полковнику Тегью в Батлер, где располагалось наше региональное управление. Объяснил ситуацию, подождал, пока он свяжется с большими шишками в Скрантоне. Много времени Тегью не потребовалось и вернулся он с хорошими новостями. Потом я переговорил с Ширли, очень порадовав ее: она благоволила и к отцу, а уж сына просто обожала.

И когда Нед во второй половине дня пришел на нашу базу, я спросил, не хотел бы он провести лето, обучаясь работе диспетчера и получая за это приличные деньги, вместо того чтобы слушать стоны и вопли Тома Маккланнахэна в департаменте парков и организации отдыха. На мгновение он остолбенел... застыл, как статуя. А потом его лицо осветила

широкая улыбка. Я думал, он бросится мне на шею. Если бы я прошлым вечером обнял его, точно бы бросился. Но я не обнял, вот и он ограничился тем, что сжал кулаки и победно их вскинул, крикнул: «Да-а-а-а!»

– Ширли согласилась взять тебя в ученики, и ты получил официальное разрешение из Батлера. Махать лопатой, как для Маккланнахэна, тебе не придется, но...

На этот раз он бросился мне на шею, радостно смеясь, и, должен отметить, мне понравилось. К такому я мог бы и привыкнуть.

Обернувшись, он увидел Ширли, которая стояла между двумя патрульными, Хадди Ройером и Джорджем Станковски. В серой форме все трое выглядели очень уж серьезными. Хадди и Джордж еще и надели форменные шляпы, отчего их рост увеличился чуть ли не до девяти футов.

– Вы не возражаете? – спросил Нед Ширли. – Правда?

– Я научу тебя всему, что знаю, – ответила Ширли.

– Да? – спросил Хадди. – И что он будет делать после первой недели?

Ширли ткнула его локтем. Удар пришелся чуть повыше рукоятки «беретты» и достиг цели. Хадди картинно воскликнул: «О-о-ох!» – и пошатнулся.

– Я тут для тебя кое-что приготовил, – сказал Джордж очень спокойно, с добродушной улыбкой. Одну руку он держал за спиной.

– Что? – чуть нервно спросил Нед, хотя на лице по-преж-

нему сияла радостная улыбка. За спиной Джорджа, Ширли и Хадди начали собираться другие патрульные.

– Только терять это нельзя, – добавил Хадди назидательным тоном, очень серьезно.

– Что это, что? – В голосе Неда добавилось нервозности.

Рука Джорджа появилась из-за спины с маленькой белой коробочкой. Он протянул ее юноше. Нед посмотрел на коробочку, на патрульных, взял ее, открыл. Внутри лежала большая пластиковая звезда с выбитыми на ней словами «ПОМОЩНИК ШЕРИФА».

– Добро пожаловать в патрульный взвод Д, Нед. – Джордж пытался сохранять серьезность, но ему это не удалось. Он загоготал, а вскоре смеялись и все остальные, окружив Неда, пожимая ему руку.

– Ну вы и весельчаки, – говорил он, – вот уж шутка так шутка. – Он улыбался, но я подумал, что он вот-вот расплачется. Внешне это ничем не проявлялось, но слезы могли политься в любой момент. Думаю, Ширли Пастернак тоже это почувствовала. И когда парнишка извинился, сказав, что ему надо в туалет, я догадался: ему нужно время прийти в себя, убедиться, что происходящее с ним – не очередной сон. Иногда, когда все идет наперекосяк, мы получаем больше помощи, чем надеялись. Но случается, что и ее не хватает.

Благодаря Неду о том лете у нас остались наилучшие воспоминания. Он нам нравился, и ему нравилось быть с нами. А особенно часы, проводимые в коммуникационном центре. Какое-то время он изучал коды, но в основном учился правильно реагировать на запросы и осваивал методику ответа на одновременные звонки. Он быстро набирался опыта, выдавал патрульным запрошенную информацию, пальцы его бегали по клавиатуре, словно по клавишам пианино, при необходимости связывался с другими патрульными подразделениями, как это случилось после сильных гроз, обрушившихся на Западную Пенсильванию в конце июня. Слава Богу, обошлось без торнадо, но уж на дождь, ветер, громы и молнии природа не поскупилась.

Единственный раз он едва не запаниковал днем или двумя позже, когда такой-то мужчина, представший перед мировым судьей округа Стэтлер, вдруг тронулся умом и начал бегать кругами, срывая с себя одежду и что-то крича про Иисуса Пениса. Именно так и кричал, у меня где-то даже рапорт сохранился. С коммуникационным центром сразу связались четверо патрульных. Двое уже находились на месте, двое мчались туда на полной скорости. Пока Нед пытался разобраться с ними, на связь вышел патрульный из Батлера, сказал, что он на дороге 99, преследует нарушителя скорост-

ного режима... бах! Связь оборвалась. Нед предположил, что патрульная машина слетела с дороги и перевернулась, и предположил правильно (водитель остался цел и невредим, но погоня для него закончилась и нарушитель вышел сухим из воды). Вот тут Нед принялся звать Ширли, отпрянул от компьютера, телефонов, микрофона, словно они раскались добела. Она быстро перехватила бразды правления, но успела обнять его и поцеловать, прежде чем занять покинутое им кресло. Никто не погиб, никто не получил серьезных травм, а мистер Иисус Пенис отправился в психиатрическое отделение Стэтлеровской мемориальной больницы для освидетельствования. То был единственный раз, когда Нед дал маху, но он не стал заикливаться на случившемся, наоборот, сделал соответствующие выводы.

А в целом его прогресс впечатлял.

Ширли с удовольствием учила его. Удивляться не приходилось; она и раньше проявляла желание поделиться с ним премудростями своей работы, рискуя вылететь со службы, потому что официального разрешения ей никто не давал. Она знала, мы все знали, что Нед не собирается работать в полиции, во всяком случае, он об этом даже не заикался, но Ширли это не волновало. Тем более что ему нравился ритм нашей жизни. Нравилось не спадающее напряжение, он от него как бы подзаряжался. О его единственном промахе я уже написал, и, по-моему, это только пошло Неду на пользу. Он окончательно уразумел, что работа – не компьютерная

игра, что по его электронной доске движутся реальные люди. И если бы с Питтсбургским университетом не сложилось, кто знает? Он ведь уже превзошел Мэтта Бабицки, предшественника Ширли.

В начале июля (прошел год со смерти его отца) парнишка подошел ко мне, чтобы спросить о гараже Б. О дверной косяк постучали (дверь-то я практически всегда оставляю открытой), я поднял голову и увидел его, в футболке и вылинявших синих джинсах, из задних карманов которых торчали красные тряпки для протирания стекол. Я сразу понял, с чем он ко мне пожаловал. Может, из-за тряпок, может, что-то прочитал во взгляде.

– Я думал, у тебя сегодня выходной, Нед.

– Да. – Он пожал плечами. – Мне нужно было кое-что сделать. И... э... когда выйдете покурить, я бы хотел кое о чем спросить, – в голосе прорывалось волнение.

– Зачем откладывать на потом то, что можно сделать сейчас. – Я поднялся.

– Правда? Если вы заняты...

– Я не занят, – ответил я, хотя дел хватало. – Пошли.

Только-только началась вторая половина обычного для Низких холмов страны амишей летнего дня: небо в облаках, от жары и сильной влажности горизонт в дымке, и наш мир, всегда такой огромный и яркий, кажется маленьким и тусклым, как старая поблекшая фотография. С запада доноси-

лись глухие раскаты грома. К вечеру могла разразиться гроза, с середины июня грозы случались у нас не реже трех раз в неделю, но пока жара и влажность вышибали из тебя пот, как только ты выходил из помещения, где прохладу поддерживал кондиционер.

Два резиновых ведра стояли перед воротами гаража Б, одно – с мыльным раствором, второе – с чистой водой. Из одного торчала ручка швабры. Фил Кандлтон, сидевший на скамье для курильщиков, понимающе глянул на меня, когда мы проходили мимо.

– Я мыл окна, – объяснял Нед, – а когда закончил, решил вылить воду на свалку. – Он показал на пустое пространство между гаражами Б и В, где лежали пара ржавеющих ножей бульдозера, несколько старых тракторных покрышек да росли сорняки. – Потом решил протереть окна гаражей, прежде чем выливать воду. В гараже В окна были очень грязные, а вот в гараже Б – практически чистые.

Меня это не удивило. В маленькие окошки, которые тянулись вдоль фронтона гаража Б, заглядывали два, а то и три поколения патрульных, от Джекки О’Хара до Эдди Джейкобу. Я помнил, как они стояли у сдвижных ворот, будто дети на выставке возле какого-то особо интересного экспоната. Ширли тоже стояла, как и ее предшественник, Мэтт Бабицки; подойдите ближе, дорогие, и увидите живого крокодила. Обратите внимание на его зубы, какие они блестящие.

Отец Неда однажды вошел внутрь с веревкой, завязанной

на поясе. Я тоже бывал в гараже. Хадди, разумеется, и Тони Скундист, наш прежний сержант. К тому времени, когда Нед получил официальное разрешение на работу в патрульном взводе Д, Тони уже четыре года жил в заведении, где о стариках заботились, как о малых детях. Многие из нас побывали в гараже Б. Не потому, что хотели, – просто время от времени приходилось. Кертис Уилкоккс и Тони Скундист стали главными исследователями «роудмастера», и именно Керт повесил в гараже термометр с большими числами, чтобы мы могли видеть его показания снаружи. Для этого следовало лишь прижаться лбом к одной из стеклянных панелей, которые тянулись на высоте пяти с половиной футов, и с двух сторон приложить к вискам руки, чтобы отсечь дневной свет. До появления сына Кертиса другим способом окна гаража Б не чистили. Хватало лбов тех, кто прижимался к стеклам, чтобы посмотреть на живого крокодила. Или, если ближе к делу, на укрытый брезентом объект, который выглядел почти как восьмицилиндровый «бьюик». Брезентом укрыли его мы, как накрывают простыней труп. Только иной раз брезент сползал. Непонятно почему, но сползал. И трупа под ним не было.

– Посмотрите! – Глаза у Неда горели, как у маленького мальчишки, увидевшего что-то удивительное. – Какой отличный старый автомобиль! Даже лучше отцовского «белэра»⁶. Это «бьюик», судя по радиаторной решетке и форме

⁶ «Белэр» – одна из основных моделей «шевроле», выпускаемая с 1949 года. В

воздухозаборников. Должно быть, модель середины пятидесятих.

Согласно Тони Скундисту, Кертису Уилкоксу и Эннису Рафферти, это была модель 1954 года⁷. Почти 54-го. Потому что при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это не модель 1954 года. И не «бьюик». И вообще не автомобиль. А что-то еще, как мы говорили в дни моей далекой юности.

А Нед все трещал, как пулемет.

– И он в прекрасном состоянии, это видно даже отсюда. Все так странно, Сэнди! Я заглянул внутрь и увидел что-то укрытое брезентом. Начал мыть окна. Потом раздался какой-то звук. Вернее, два звука. Сначала что-то зашуршало, потом упало. Брезент соскользнул с автомобиля, пока я мыл окна! Словно автомобиль хотел повидаться со мной! И это тоже более чем странно.

– Странно, согласен с тобой. – Я прислонился лбом к стеклу (как прислонялся десятки раз), ладонями прикрыв глаза от дневного света. Да, стоявший внутри объект выглядел почти как «бьюик», это точно, и находился в прекрасном состоянии, как и отметил парнишка. Эта знаменитая радиаторная решетка смотрела на меня, как пасть хромированного крокодила. Шины с белыми боковинами. Выступающие из корпуса крылья задних колес. «Ты, крошка, слишком крут для

1965–1969 и 1971–1974 гг. принадлежала к числу автомобилей самого массового спроса.

⁷ с этой модели «срисован советский «ЗИМ».

школы», – помнится, говорили мы. В полумраке гаража Б он выглядел черным. На самом деле был темно-синим.

«Бьюики» модели «роудмастер» 1954 года красили в том числе и в темно-синий цвет, Скундист проверял, но при этом определенно использовалась другая краска. Эта на ощупь казалась чешуйчатой.

«Там сейсмоопасная зона», – раздался голос Кертиса Уилкокса.

Я подпрыгнул. Уж год как мертвый или нет, говорил он мне прямо в ухо.

– Что с вами? – спросил Нед. – Вы словно увидели призрака.

«Услышал», – едва не ответил я, но с языка слетело другое слово:

– Ничего.

– Вы уверены? Вы подпрыгнули.

– Наверное, гусь прошел по моей могиле. Я в порядке.

– Так откуда взялся этот автомобиль? Кому он принадлежит?

Ну и вопросик он задал.

– Не знаю, – честно ответил я.

– А почему он стоит в темном гараже? Черт, если бы у меня был такой красавец, да еще на ходу, я бы никогда не держал его в грязном, старом сарае. – Тут его осенило. – Это автомобиль преступника? Вещественное доказательство по какому-то делу?

– Считай, что так. Задержан за кражу. – Так мы, во всяком случае, говорили между собой. Не слишком убедительное объяснение, но, как однажды заметил Кертис, чтобы повесить шляпу, нужен всего один гвоздь.

– Кражу чего?

– Бензина на сумму в семь долларов. – Я не мог заставить себя сказать, кто закачивал в бак этот бензин.

– Семь долларов? Всего-то?

– Ну, – ответил я, – чтобы повесить шляпу, нужен всего один гвоздь.

Он в недоумении смотрел на меня. Я, молча, на него.

– А можно войти? – спросил он. – Взглянуть поближе?

Я снова прижался лбом к стеклу, увидел показания термометра, висевшего на потолочной балке, круглого и бесстрастного, как лик луны. Тони Скундист купил его в магазине «Реальная цена» в Стэтлере, заплатив из собственного кармана, а не из расходного фонда патрульного взвода Д. И отец Неда повесил его на балку. Как шляпу на гвоздь.

И хотя там, где мы стояли, температура зашкаливала за восемьдесят пять⁸, и все знают, что в непроветриваемых сараях в жаркий день она всегда выше, чем на улице, большая красная стрелка термометра расположилась аккурат между пятерками числа 55⁹.

– Не сейчас, – ответил я.

⁸ 29,5 градуса.

⁹ 12,8 градуса.

– Почему? – Потом, словно поняв, что он слишком уж нетерпелив, даже назойлив, Нед спросил уже мягче: – Почему мы не можем войти в гараж прямо сейчас?

– Потому что это опасно.

Он несколько секунд смотрел на меня. Любопытство сошло с его лица, вновь я увидел того же мальчишку, что и в день, когда он получил письмо из Питтсбургского университета. Мальчишку, сидевшего на скамье для курильщиков с катящимися по щекам слезами, хотевшего знать то же, что и каждый мальчишка, когда у него внезапно отнимают самое дорогое: почему это происходит, почему это происходит со мной, есть для этого причина или все решает некое рулеточное колесо? Если в этом есть какой-то смысл, что я должен делать? Если смысла нет, как мне это вынести?

– Это связано с моим отцом? – спросил он. – Это автомобиль моего отца?

Его интуиция пугала. Нет, он видел не автомобиль своего отца... как такое могло быть, если в гараже Б стоял совсем не автомобиль. И все же это был автомобиль его отца. И мой... Хадди Ройера... Тони Скундиста... Энниса Рафферти... Возможно, прежде всего Энниса Рафферти. С Эннисом в этом смысле мы сравняться не могли. Да и не хотели. Нед спросил, кому принадлежал этот автомобиль, и я полагаю, правильный ответ тут один: патрульному взводу Д дорожной полиции штата Пенсильвания. Он принадлежал всем патрульным, бывшим и нынешним, которые знали, что

находится в гараже Б. Но большую часть тех лет, что «бью-ик» простоял в гараже, им занимались Тони и отец Неда. Они были его кураторами, главными исследователями «рудмастера».

– Нельзя сказать, что он принадлежал твоему отцу. – Похоже, я слишком долго колебался. – Но он о нем знал.

– А что тут можно знать? Мама тоже знала?

– Об этом не знал никто, кроме нас.

– Вы хотите сказать, патрульного взвода Д.

– Да. И так должно быть и дальше. – Сигарета по-прежнему дымилась в моей руке. Я и не помнил, когда успел закурить. Бросил на асфальт, растоптал. – Это наше внутреннее дело. – Я глубоко вдохнул. – Но, если ты хочешь об этом знать, я тебе расскажу. Ты теперь один из нас... можно сказать, почти на службе. Ты даже сможешь войти в гараж и посмотреть.

– Когда?

– Когда поднимется температура.

– Я не понимаю. При чем здесь температура?

– Сегодня я заканчиваю в три, – ответил я и указал на скамью для курильщиков. – Встретимся там, если не начнется дождь. Если начнется, сможем поговорить наверху или в закуской «Кантри уэй», на случай, что ты проголодаешься. Думаю, твой отец согласился бы со мной, что ты должен все знать.

Хотел бы он этого? Тогда я не имел ни малейшего поня-

тия. Однако меня так и распирало от желания рассказать, что указывало то ли на интуицию, то ли на приказ свыше. Я не религиозный человек, но верю, что такое возможно, и я подумал о стариках, которые говорили: или умрет, или вылечится, любопытство до добра не доведет, но все-таки это не порок, а потому его надо удовлетворять.

Знание приносило удовлетворенность? По моему личному опыту, редко. Но я не хотел, чтобы в сентябре Нед уезжал в Питтсбург в таком же настроении, как в июле, когда свойственная ему солнечная улыбка вспыхивала лишь изредка, словно не до конца вкрученная лампочка. Я подумал, что он имеет право знать о некоторых вещах. Я понимал, что всех ответов у меня нет, но какими-то мог с ним поделиться. И хотел поделиться, несмотря на риск.

«Сейсмоопасная зона, – сказал мне в ухо Кертис Уилкокс. – Там сейсмоопасная зона, так что будь осторожен».

– Гусь опять прошел по вашей могиле, Сэнди? – спросил меня Нед.

– Если и прошел, то не гусь, теперь я это понял, – ответил я. – Но кто-то прошел.

Дождь так и не пошел. Когда я вышел из здания, чтобы присоединиться к Неду на скамье для курильщиков, стоявшей напротив гаража Б, там сидел Арки Арканян, курил и говорил с юношей о шансах «пиратов» в национальном первенстве по бейсболу. Арки собрался уйти, увидев меня, но

я предложил ему остаться.

– Я собираюсь рассказать Неду о «бьюике», который мы держим в том гараже. – Я глянул на гараж Б по другую сторону автостоянки. – Если он решит позвонить людям в белых халатах, потому что у сержанта патрульного взвода Д съехала крыша, ты сможешь подтвердить мои слова. В конце концов ты при этом присутствовал.

Улыбка сползла с лица Арки. Его вьющиеся седые волосы поднимающимся ветром разметало во все стороны.

– Думаешь, это хорошая идея, сержант?

– Любопытство до добра не доведет, – ответил я, – но...

– ...все-таки это не порок, – закончила за меня фразу подошедшая Ширли. – В разумных пределах, как говорил патрульный Кертис Уилкоккс. Могу я составить вам компанию? Или у нас сегодня мужской клуб?

– Никакой половой дискриминации на скамье для курильщиков, – ответил я. – Пожалуйста, присоединяйся.

Как и я, Ширли закончила смену и в коммуникационном центре ее сменила Стефф Колуччи.

Она села рядом с Недом, улыбнулась ему, достала из сумки пачку «Парламента». Вроде бы с пониженным содержанием никотина и смол, с угольным фильтром, но мы знали, что все это пустые слова, знали многие годы, но все равно продолжали убивать себя. Удивительно. А может, учитывая, что мы жили в мире, где пьяницы размазывали патрульных дорожной полиции о борта восемнадцатиколесников, где «бью-

ики» неведомо чьей сборки объявлялись на реальных автозаправочных станциях, не столь уж и удивительно. Так или иначе, в тот момент мне было не до этого.

В тот момент я начинал долгий рассказ.

Тогда

В 1979 году автозаправочная станция «Дженни» на перекрестке шоссе 32 и Гумбольдт-роуд еще работала, но уже дышала на ладан: стараниями ОПЕК маленькие сети и независимые владельцы автозаправочных станций вытеснялись с рынка, не выдерживая конкуренции. Владелец и механик автозаправочной станции Херберт «Хью» Босси в тот день уехал в Лассбург к зубному врачу: приходилось расплачиваться за любовь к шоколадным батончикам и РС-коле. К окну мастерской Хью прилепил лист бумаги с надписью: «МЕХАНИКА НЕТ ИЗ-ЗА ЗУБНОЙ БОЛИ». За заправщиком остался Брэдли Роуч, так и не окончивший среднюю школу, ему тогда только-только перевалило за двадцать. Этот самый парень двадцать два года спустя, пропустив через себя бесчисленное количество кружек, банок и бутылок пива, убьет отца еще не родившегося в тот момент юноши, размажет по борту большегрузного грузовика, оставив на асфальте груды окровавленной одежды. Но все это еще в далеком будущем. А пока мы в прошлом, в волшебной стране Тогда.

В десять часов июльским утром Брэд Роуч сидел в конторке автозаправочной станции «Дженни», положив ноги на стол, и читал «Инсайд вью». На обложке летающая тарелка угрожающе зависла над Белым домом.

Звонок в конторке звякнул, когда колеса автомобиля перекатились через воздушный шланг, лежащий на асфальте. Брэд выглянул из окна и увидел, как автомобиль, тот самый, что потом много лет простоял в гараж Б, подкатывает ко второй из двух бензоколонок. С бензином высшего качества марки «хай тест». Прекрасный темно-синий «бьюик», старый (с большой хромированной радиаторной решеткой и воздухозаборниками на передних крыльях), но в идеальном состоянии. Краска сверкала, ветровое стекло сверкало, хромированная полоса, тянущаяся вдоль борта, сверкала, но даже до того, как водитель открыл дверцу и вылез из кабины, Брэдли Роуч почувствовал: что-то не так. Просто поначалу не мог понять, что именно.

Он бросил таблоид на стол (если бы босс не уехал лечить зубы, никогда не посмел бы достать газету из ящика стола) и встал в тот самый момент, когда водитель «роудмастера» открыл дверцу (автомобиль и конторку разделяли колонки) и ступил на асфальт.

Прошлой ночью прошел сильный дождь, дороги еще не просохли (черт, в некоторых низинах к западу от Стэтлера стояла вода), но в восемь утра выглянуло солнце, а к десяти небо очистилось от облаков и воздух заметно прогрелся. Тем не менее мужчина был в длинном черном пальто и черной широкополой шляпе. «Выглядел он, как шпион из какого-то старого фильма», – часом или чуть больше спустя сказал Брэд Эннису Рафферти, дав разыгаться фантазии.

Пальто, больше напоминавшее шинель, мело асфальт и развевалось за спиной водителя «бьюика», когда тот шел к боковой стене автозаправочной станции и Редферн-стрим – речке, которая протекала за ней. Обычно смиренная, после ночного ливня она вздулась и грозно ревела.

Брэдли, предположив, что мужчина в черном пальто и широкополой шляпе хочет справить нужду, крикнул:

– Дверь туалета открыта, мистер... сколько залить бензина?

– Залей доверху, – ответил водитель. Голос его Брэду Рочу не понравился. Как он потом сказал допрашивавшим его патрульным, говорил он так, словно набил рот желе. Брэд точно пребывал в поэтическом настроении. Может, потому, что Хью уехал и он чувствовал себя королем.

– Проверить масло? – спросил Брэд.

К тому времени клиент уже добрался до угла маленького здания. Судя по скорости передвижения, Брэд решил, что ему нужно срочно разгрузиться.

Но мужчина остановился и чуть повернулся к Брэду. Тот увидел бледную, чуть ли не восковую щеку, темный миндалевидный глаз и завитушку черных волос около странной формы уха. Лучшее всего Брэд запомнил ухо, оно просто впечаталось в его память. Ухо это необъяснимым образом тревожило его, но он так и не смог понять, чем именно. На ухе его метафоры иссякли. «Какое-то оно было растаявшее. Словно его вылепили из снега, а потом сунули в огонь».

Больше он ничего сказать не смог.

– С маслом порядок, – ответил мужчина и скрылся за углом в мельтешении черной материи. Кроме неприятного тембра, мужчина говорил еще и с акцентом, который напомнил Брэду старое телешоу «Рокки и Буддвинкл», в котором Борис Бадинофф говорил Наташе: «Мы должны перештатить играть в кошки-мышки».

Брэд направился к «бьюику», держась между ним и бензоколонками (водитель припарковался небрежно, оставив много места между бортом и бетонным возвышением, на котором стояли колонки), ведя рукой по хромированной полосе и краске. Жест этот символизировал восхищение. Конечно, он не имел права прикасаться к чужому автомобилю, но Брэдли тогда был совсем молод и пребывал в прекрасном настроении. Добравшись до топливного лючка, замер. Лючок был на месте, а вот номерной знак над задним бампером отсутствовал. Как и пластина под номерной знак с отверстиями для болтов, которыми он к ней крепился.

Вот тут до Брэдли дошло, что именно показалось ему не так, когда он услышал звяканье колокольчика, поднял голову и первый раз увидел автомобиль. На переднем стекле не было наклейки на инспектора, свидетельствующей о прохождении техосмотра. Конечно, наличие или отсутствие этой наклейки на ветровом стекле или заднего номерного знака его не касалось. Если кто и мог остановить водителя «бьюика» за это правонарушение, так это патрульные взвода Д дорож-

ной полиции штата... а могли и не остановить. В любом случае Брэду Роучу платили за другое – заправлять автомобили бензином.

Он крутанул ручку на колонке бензина «хай-тест», чтобы обнулить счетчик, сунул «пистолет» в горловину, включил автоматическую заправку. Зазвенел колокольчик внутри колонки, и Брэд обошел «бьюик» со стороны дверцы водителя, замкнув круг. По ходу заглядывал в окна, поражаясь салону одного из самых роскошных автомобилей пятидесятых годов. Коричневая кожа обивки сидений, стенки и крыша того же цвета. Заднее сиденье пустовало, переднее – тоже, на полу – никакого мусора: ни оберток от жвачки, ни карты, ни даже смятой пачки из-под сигарет. Рулевое колесо инкрустировано деревом. Брэдли еще задался вопросом: входит ли такое в стандартную комплектацию или его делали по заказу? Выглядел руль классно. Но почему такой большой? Если его еще снабдить спицами, он бы превратился в штурвал яхты какого-нибудь миллионера. Чтобы ухватиться за него, требовалось развести руки на ширину груди. Руль наверняка делался на заказ, и Брэд предположил, что управлять им в дальней поездке – маленькое удовольствие. Очень неудобный руль.

Удивил его и приборный щиток. Вроде бы из орехового дерева, с хромированными приборами и приспособлениями, прикуривателем, радио, часами. Все выглядело нормально... то есть располагалось на положенном месте... как и замок

зажигания, справа от руля, даже с ключом («*Доверчивая душа, этот водитель*», – еще подумал Брэд), однако что-то все-таки было не так. Что именно, он сказать не мог.

Брэд вернулся к переднему бамперу, полюбовался оскалом хромированной радиаторной решетки (решетка точь-в-точь как у «бьюика», на все сто процентов) и убедился в цепкости своего зрения: на ветровом стекле не было наклейки о прохождении техосмотра, ни в Пенсильвании, ни еще где-либо. На ветровом стекле наклейки отсутствовали вовсе. Владелец «бьюика», судя по всему, не состоял в престижных клубах «Тройном А»¹⁰, «Элкс», «Лайонс» или «Киванис». Не поддерживал Питтсбург или штат Пенсильванию (во всяком случае, до такой степени, чтобы сообщить об этом наклейкой на одном из окон), его автомобиль не защищала охранная система «Морар» или хотя бы проверенная годами «Расти Джонс».

Но автомобиль все равно клевый... хотя босс и говорил, что его работа не восхищаться подъезжающими автомобилями, а побыстрее наполнять бак.

Первосортного бензина «бьюик» засосал на семь долларов, после чего насос автоматически отключился. По тем временам – большая заправка, поскольку галлон бензина «хай-тест» стоил семьдесят центов. То ли бак был практиче-

¹⁰ «Тройное А» – Американская автомобильная ассоциация. Крупнейшая организация, объединяющая более 30 миллионов членов. Выступает в качестве спонсора работ по улучшению дорог и дорожного обслуживания машин, созданию более безопасных автомобилей, экономии топлива и др.

ски пуст, когда мужчина в черном пальто выехал из гаража, то ли ехал он издалека.

Потом Брэдли решил, что второй вариант – чушь собачья. Дороги по-прежнему мокрые, кое-где лужи, а на сверкающих синих бортах «бьюика» ни пятнышка, ни капли грязи. Белые боковины шин – и то чистые. А уж такого, по мнению Брэдли Роуча, просто не могло быть.

Конечно, ему все это было до лампочки, но он мог обратить внимание водителя на отсутствие наклейки о прохождении техосмотра. Мог даже получить за это чаевые. Которых, возможно, хватило бы на упаковку с шестью банками пива. Он еще шесть или восемь месяцев не мог покупать спиртное сам, но, если хочется, всегда можно найти выход, а Брэдли даже тогда, в молодости, уже хотелось.

Он прошел в конторку, сел, взял в руки «Инсайд व्यу» и начал дожидаться возвращения мужчины в черном пальто. Денек выдался жарковатым для такого теплого пальто, но Брэд подумал, что эту часть загадки он как раз разгадал. Мужчина был из СГ, только из других, отличных от тех, что обретались около Стэтлера. Из секты, которая разрешала ездить на автомобилях. СГ Брэдли и его друзья называли амишей. Смердящие говнюки, так расшифровывались эти две буквы.

Через пятнадцать минут Брэд дочитал статью «Нас посещали» эксперта по НЛО Ричарда Т. Рамсфельда (ветерана американской армии) и обратил свое внимание на блондин-

ку на четвертой странице, которая в трусиках и лифчике ловила рыбу в горной речке. И уже вдоволь насмотревшись на красотку, Брэд понял, что все еще ждет. Этот парень, похоже, не разменивался на мелочи.

Посмеиваясь, представляя себе, как он устроился на унитазах под ржавыми трубами и сидит в темноте (единственная лампочка перегорела месяц назад, но ни Брэдли, ни Хью не удосужились ее заменить), разложив вокруг себя черное пальто и собирая им мышиный помет, Брэд вновь взялся за газету. Раскрыл на странице анекдотов, которой хватило ему еще на десять минут (некоторые анекдоты были такими смешными, что Брэд перечитывал их по три, а то и по четыре раза). Снова положил газету на стол, посмотрел на часы над дверью. За ней, у бензоколонки, поблескивал на солнце «бьюик роудмастер». Прошло почти полчаса, как его водитель через плечо крикнул: «С маслом порядок», – и скрылся за углом, махнув на прощание черной полкой. Был ли он СГ? Некоторые из них водят автомобили? Брэд в этом сильно сомневался. СГ пребывали в уверенности, что любой агрегат с двигателем – творение Сатаны, не так ли?

Ладно, может, он и не из СГ. Но кем бы он ни был, почему не возвращается?

И разом образ этого типа, восседающего в сортире неподалеку от колонки дизельного топлива, перестал вызывать улыбку. Мысленным взором Брэд все еще видел его, сидящего на унитазах, со спущенными до лодыжек брюками, в чер-

ном пальто, подметающем грязный линолеум, но теперь Брэду открылось и другое: голова опущена, подбородок уткнулся в грудь, большая черная широкополая шляпа (которая и не выглядела как шляпа амишей) надвинута на глаза. Он не шевелится. Не дышит. И не срет, потому что умер. Инфаркт, или инсульт, или что-то подобное. Возможный вариант. Если гребаный король рок-н-ролла мог окочуриться за этим занятием, любой другой может и подавно.

– Нет, – прошептал Брэдли Роуч. – Только не это... он не мог... нет!

Он вновь взялся за газету, попытался прочесть другую статью о летающих тарелках, которые постоянно за нами приглядывают, но никак не воспринимал написанное. Положил газету и повернулся к двери. «Бьюик» никуда не делся, поблескивал на солнце.

Водитель не появился.

Прошло уже полчаса... нет, тридцать пять минут. Черт знает что. Пять минут спустя он обнаружил, что отрывает от газеты узкие полоски и бросает их в корзинку для мусора, где уже образовалась горка конфетти.

– Хрен собачий. – Он поднялся. Вышел из двери, обогнул угол кубика, сложенного из шлакоблоков и выкрашенного белой краской, где работал с того самого дня, как ушел из школы. Туалеты занимали заднюю часть кубика. Брэд еще не решил, то ли ему сразу выразить тревогу («Эй, мистер, вы в порядке?»), то ли попытаться обратить все в шутку («Эй, ми-

стер, у меня есть шутиха, если вам нужно»). Так уж вышло, что заготовленные фразы не потребовались.

В мужском туалете разболталась задвижка, и при достаточно сильном порыве ветра дверь, не запертая изнутри, открывалась, поэтому Брэд или Хью всегда вставляли в зазор между дверью и косяком кусок картона, который удерживал дверь на месте, когда туалетом не пользовались. Если бы водитель «бьюика» вошел в туалет, он бы взял кусок картона с собой (и положил на раковину рядом с кранами, пока справлял нужду) или бросил бы на маленькую бетонную ступеньку перед дверью. Так обычно и бывало, позже сказал Брэдли Эннису Рафферти. После ухода клиента он или Хью возвращали картонную «защелку» на место. Им следовало и спускать воду, но многие обходились без этого. Выходя из дома, люди сразу становились грязнулями. Выходя из дома, только и думали, как бы где напакостить.

Но на этот раз кусок картона торчал из щели между дверью и косяком, повыше задвижки, там, где наилучшим образом выполнял свои функции. И все-таки Брэд дверь открыл, ловко поймав падающий кусочек картона, так же ловко, как в последние годы научился открывать бутылки пива о ручку водительской дверцы своего «бьюика». Кабинка пустовала, как он и предполагал. И определенно не использовалась по назначению. Брэд не слышал звука спускаемой воды, когда сидел в конторке и читал газету. Не блестели капельки воды и на тронутой ржавчиной эмали раковины.

Брэд подумал, что водитель «бьюика» обогнул заправочную станцию не для того, чтобы воспользоваться сортиром. Ему захотелось посмотреть на Редферн-стрим. Речка заслуживала не только взгляда, но и, пожалуй, кадра на пленке в «кодаке». Она бежала по северной части Стэтлер-Блаффс в обрамлении ив, ветви которых напоминали зеленые волосы русалок (в этом юноше жил поэт, это точно, местный Дилан Макйетс). Но водитель «бьюика» не любовался Редферн-стрим – за зданием станции валялись лишь использованные покрышки да из сорняков, как ржавые кости, торчали две оси древних тракторов.

Речка бурлила, она разлилась, покрылась пеной. Конечно, временно – паводки в Западной Пенсильвании случались только по весне, но в этот день мирная, сонная речушка превратилась в ревуший поток.

И стоило Брэду глянуть на поднявшийся уровень воды, как в голове сверкнула страшная мысль. Он оценивающе посмотрел на крутой склон, спускающийся к реке. Трава мокрая, а потому скользкая, особенно для кожаных подошв дорогих туфель этого СГ, если тот, ничего не подозревая, решил подойти к краю, чтобы получше рассмотреть реку. С каждой секундой у Брэда крепла уверенность, что это не предположение, что так все и вышло. Об этом свидетельствовали закрытый сортир, в который до него в это утро никто не заходил, и «бьюик», застывший у бензоколонки с залитым доверху баком, готовый снова тронуться в путь, с

ключом, вставленным в замок зажигания. Мистер Бьюик Роудмастер обошел здание заправочной станции, чтобы взглянуть на Редферн, по неосторожности слишком приблизился к краю склона, чтобы лучше рассмотреть бурлящий поток... и аля-улю, я вас люблю.

Брэдли осторожно спустился к кромке воды, дважды поскользнувшись, хотя и был в кроссовках, но не упал, держась рядом с железяками, за которые мог бы схватиться, теряя равновесие. Не было водителя «бьюика» и на берегу, но в двухстах ярдах ниже по течению он увидел что-то черное, зацепившееся за ветви свалившейся березы. Вода трепала это черное из стороны в сторону. И вполне возможно, он видел перед собой именно пальто мистера Бьюика Роудмастера.

– О дерьмо, – пробормотал Брэдли и поспешил в конторку, чтобы связаться с базой патрульного взвода Д дорожной полиции, которая находилась как минимум на две мили ближе к заправочной станции, чем местный полицейский участок. Вот так и получилось...

Теперь: Сэнди

– ... Что мы впутались в эту историю, – продолжил я. – До Ширли в коммуникационном центре сидел Мэтт Бабицки. Он позвонил Эннису Рафферти...

– Почему Эннису, Нед? – спросила Ширли. – Только быстро.

– БПМ, – без запинки ответил он. – Ближайшая патрульная машина, – но ответил автоматически, даже не посмотрев на нее. Его взгляд не отрывался от меня.

– Эннису было пятьдесят пять, и он уже думал о том, как хорошо будет отдыхать после выхода в отставку, но не сложилось.

– А мой отец был с ним, да? Они же работали в паре.

– Да, – кивнул я.

Мог бы сразу продолжить, но ему требовалось время, чтобы переварить первую часть. Я молчал, дабы он свыкся с мыслями, что его отец и Брэдли Роуч, пьяница, убивший его, когда-то давно стояли лицом к лицу и спокойно разговаривали. К этому времени Нед уже изучил инструкции, знал, с чего начинается новое расследование.

У меня сложилось ощущение, что вот эта первая часть упадет ему в память, что бы я ни рассказывал потом, какими бы фантастическими ни казались подробности. Образ убийцы и его жертвы, стоящих вместе рядом с тем местом (четы-

ре минуты быстрым шагом), где судьба сведет их вновь, на этот раз для того, чтобы один отобрал жизнь у другого, двадцать два года спустя.

– Сколько ему было лет? – прошептал Нед. – Моему отцу в тот день, о котором вы рассказываете?

Он, полагаю, мог подсчитать и сам, но мои слова так потрясли его, что вся арифметика вылетела из головы.

– Двадцать четыре, – ответил я. Если жизнь короткая, подсчеты много времени не занимают. – Патрульным он прослужил уже с год. Тогда действовали те же правила. С одиннадцати до семи утра в паре ездили только патрульные, никаких новобранцев. А твой отец еще был новобранцем. Поэтому он становился напарником Энниса только в дневные смены.

– Нед, ты в порядке? – спросила Ширли. И не зря. Парнишка побледнел как полотно, кровь отхлынула от лица.

– Да, мэм. – Он посмотрел на нее, потом на Арки, на Филадельфия Кандлтона. В взгляде читались недоумение и укор. – Вы все это знали?

– Да, – ответил Арки с легким нордическим акцентом, который всегда слышался мне в голосе Лоренса Уэлка и сестер Леннон, хотя они и не шведки¹¹. – Никакой это не секрет. Твой отец и Брэдли Роуч тогда прекрасно ладили. И позже тоже. В восьмидесятые годы Кертис арестовывал его три или

¹¹ Почему Стивен Кинг решил, что Арканян – шведская фамилия, известно одному Кингу.

четыре раза...

– Черт, пять или шесть, – вмешался Фил. – Почему-то ему нравилось выпивать в смену Кертиса. Один раз он отвез этого недоумка на собрание «Анонимных алкоголиков» и заставил остаться там, но ничего путного из этого не вышло.

– К середине восьмидесятых твой отец уже был патрульным, – продолжил Арки, – тогда как Брэд в основном тратил время на выпивку. А выпив, гонял по сельским дорогам. Нравилось ему это. Многим нравится. – Арки вздохнул. – Если у одного работа – охрана порядка, а у другого – выпивка, понятное дело, что время от времени их пути пересекались.

– Время от времени, – как зачарованный повторил Нед. Словно само понятие времени приобрело новое измерение.

– Но встречался Кертис с ним лишь по долгу службы. Исключение составлял вот этот «бьюик». – Он глянул на гараж Б. – Оставался между ними все эти годы. Висел между ними, как выстиранное белье на веревке. Никто из них открыто не говорил, что существование «бьюика» – секрет, но, наверное, оба это понимали.

Ширли покивала. Взяла Неда за руку, тот не возражал.

– Люди чаще всего его игнорировали, – сказала она, – как игнорируют все, чего не понимают... во всяком случае, пока могут.

– Иногда игнорировать просто невозможно, – вставил Фил. – Мы это поняли, когда... лучше послушай Сэнди. –

Он посмотрел на меня. Остальные – тоже. У Неда ярко сверкали глаза.

Я закурил и продолжил.

Тогда

В багажнике Эннис Рафферти нашел бинокль, который повсюду ездил с ним в сезон рыбалки. А потом он и Керт Уилкоккс спустились на берег Редферн-стрим по той же причине, которая заставляет медведя подняться на гору: чтобы посмотреть, а что оттуда можно увидеть.

– А мне что делать? – спросил Брэд, когда они направились к углу здания заправочной станции.

– Охраняй автомобиль и придумывай легенду, – ответил Эннис.

– Легенду? Зачем мне легенда?

Вопрос повис в воздухе. Ни Кертис, ни Эннис не сочли нужным разлепить губы.

Первым заговорил Эннис, когда они, помогая друг другу, спустились с откоса на заросший травой берег.

– С автомобилем что-то не так. Даже Брэдли Роуч это понял, а с ай-кью у него не густо.

Керт начал кивать еще до того, как его куда более опытный пожилой напарник закончил фразу.

– Он напоминает развивающие книжки, которые мне давали в детстве. «НАЙДИТЕ НА КАРТИНКЕ ДЕСЯТЬ ОШИБОК».

– Клянусь Богом, так и есть! – Эннису нравился молодой напарник, и он не сомневался, что Керт, поднабравшись

опыта, станет отличным патрульным.

Они подошли к самому краю воды, и Эннис взялся за бинокль, висевший у него на шее на кожаном ремешке.

– Нет наклейки техосмотра. Нет номерных знаков. А рулевое колесо! Кертис, ты хоть раз видел такой величины руль?

Кертис покачал головой.

– Нет антенны для радио, – продолжал Эннис. – Нет грязи на бортах. Как можно ехать по шоссе 32 и не заляпаться? Там же одни лужи, брызги – во все стороны. И ветровое стекло совершенно чистое.

– Не знаю. Ты обратил внимание на воздухозаборники?

– Что? Конечно, но у всех старых «бьюиков» есть воздухозаборники на передних крыльях.

– Да, но эти – не такие, как все. Со стороны пассажирского сиденья их четыре, а вот со стороны водительского – три. Разве могли выпускать «бьюик» с разным числом воздухозаборников справа и слева? Сильно в этом сомневаюсь.

Эннис растерянно посмотрел на партнера, поднес бинокль к глазам. Быстро обнаружил черный предмет, заставивший Брэда броситься к телефонному аппарату, навел на резкость.

– Что это? Пальто? – Керт прикрыл ладонью глаза, куда более острые, чем у Брэдли Роуча. – Похоже, что нет.

– Нет. – Эннис все не отрывался от бинокля. – Скорее... мусорный контейнер. Большой черный пластиковый контейнер для мусора, какие продают в городе, в магазине «Реаль-

ная цена». Или меня подводят глаза? Взгляни сам.

Он протянул бинокль Кертису. Нет, глаза Энниса не подвели. Кертис увидел застрявший в ветвях березы черный пластиковый контейнер для мусора, должно быть, смытый ночным ливнем из трейлерного парка на Блаффс. Не черное пальто. Черного пальто так и не нашли, как и черной широкополой шляпы, как и самого мужчины с бледным лицом, завитком волос, торчащим из-под шляпы, и странным ухом. Патрульные могли поставить под сомнение существование этого мужчины, Эннис Рафферти не преминул заметить на столе экземпляр «Инсайд вью», когда вместе с Брэдли Роучем прошел в конторку, чтобы допросить последнего, да только «бьюик» говорил об обратном. «Бьюик»-то никуда не делся. Стоял себе и стоял рядом с бензоколонками. Только когда прибыл тягач, чтобы увезти его, ни Эннис Рафферти, ни Кертис Уилкоккс уже не верили, что это «бьюик».

К тому времени они даже не знали, что видят перед собой.

Опытные, прослужившие много лет копы доверяют своим интуитивным догадкам; одна из них посетила Энниса, когда он и его молодой напарник возвращались на автозаправочную станцию. Брэдли Роуч стоял около «роудмастера» с тремя хромированными воздухозаборниками на одном переднем крыле и четырьмя – на втором. Догадка Энниса состояла в следующем: несурзанности, с которыми они уже успе-

ли столкнуться, – лишь взбитые сливки на сандее¹². А если так, чем меньше увидит сейчас мистер Роуч, тем меньше сможет рассказать потом. Вот почему, хотя Энниса безмерно заинтересовал брошенный водителем автомобиль, он подавил собственное любопытство, оставил «бьюик» Керту и увел Брэдли в конторку. Оттуда сразу вызвал тягач, чтобы отвезти «бьюик» на базу взвода Д, где они могли поставить его в дальний угол стоянки, пусть на какое-то время. Он также хотел допросить Брэдли, пока тот еще ничего не успел забыть, можно сказать, по горячим следам. Эннис рассчитывал, что успеет пообщаться с находкой уже на автостоянке, где его никто не будет отвлекать.

– Кто-то его немного модифицировал, думаю, ничего больше, – небрежно бросил он Керту перед тем, как увести Брэдли в конторку.

На лице Керта отразилось сомнение. Автомобили, конечно, модифицировали, но ведь не так. Убрать один из воздухозаборников, потом выправить крыло, чтобы не осталось и малейшего следа? Заменить обычный руль «бьюика» рулевым колесом с океанской яхты? Модификацией такое не назовешь.

– Осмотри автомобиль, пока я задам несколько вопросов нашему приятелю, – добавил Эннис.

– Могу я проверить километраж?

¹² Сандей – популярный десерт, мягкий пломбир, который сверху поливается сиропом или взбитыми сливками.

– Конечно. Только не прикасайся к рулевому колесу, чтобы потом мы могли снять отпечатки пальцев. И вообще руководствуйся здравым смыслом. Не суйся, куда не следует.

Когда они вернулись к бензоколонкам, Брэд Роуч сразу накинулся с вопросами на двух копов: которого он убьет в двадцать первом веке и который исчезнет в тот же вечер.

– Что скажете? Его труп в реке? Он утонул? Это же он, правда?

– Нет, если только он не забрался в мусорный контейнер, зацепившийся за ветви упавшего дерева, – ответил Эннис.

У Брэда вытянулось лицо.

– О черт. Значит, там контейнер?

– Боюсь, что да. И пожалуй, для взрослого мужчины он маловат. Патрульный Уилкоккс? Есть у вас вопросы к этому молодому человеку?

Поскольку он только учился, а Эннис учил, Кертис задал несколько вопросов, главным образом, чтобы убедиться, что Брэдли не пил и находится в здравом уме. Потом кивнул Эннису, который шлепнул Брэдли по плечу как давнего друга.

– Как насчет того, чтобы пройти со мной в конторку? – предложил Эннис. – Нальешь мне чашку отравы, которую у вас называют кофе, и посмотрим, удастся ли нам разобраться в происшедшем, – и повел Брэдли к двери, обняв за плечи. Рука у патрульного Рафферти была крепкая, так что Брэдли не смог даже обернуться.

Что же касается патрульного Уилкокса, он получил три четверти часа на осмотр «бьюика». Столько времени понадобилось тягачу с оранжевым маячком на крыше кабины, чтобы добраться до автозаправочной станции «Дженни». Сорок пять минут – не так уж и много, но их хватило, чтобы превратить Кертиса в пожизненного исследователя «роудмастера». Не зря говорят, что истинная любовь поражает, как молния.

Эннис сидел за рулем патрульной машины, когда они возвращались в расположение взвода Д, следуя за тягачом и «бьюиком», передние колеса которого стояли на кузове тягача, а задний бампер едва не касался земли. Керт от волнения аж подпрыгивал на пассажирском сиденье, напоминая маленького мальчика, которому не терпелось пописать. Между ними потрескивало полицейское радио, сработанное компанией «Моторола», несчетное число раз облитое кофе и колой, однако работавшее, как часы. На 23-м канале Мэтт Бабицки и патрульные, находящиеся на выезде, обменивались интересующей их информацией. Этот нескончаемый саундтрек являлся неотъемлемой частью их жизни. Он звучал и теперь, да только Эннис и Керт могли бы услышать хоть слово лишь в одном случае: если бы Мэтт Бабицки обратился непосредственно к ним.

– Прежде всего двигатель, – говорил Керт. – Нет, полагаю, прежде всего защелка капота. Рычаг со стороны водителя, и на него надо нажать, а не потянуть на себя.

– Никогда о таком не слышал, – буркнул Эннис.

– Подожди, подожди, – не унимался его молодой напарник. – Я понял, как им пользоваться, и поднял капот. Двигатель... о, этот двигатель...

Эннис глянул на него. По лицу чувствовалось, что ответ он знает, и ответ этот невероятный. Оранжевый свет маячка на крыше кабины тягача делал его кожу желтой, как у больного желтухой.

– Только не говори мне, что двигателя нет. Не говори, что под капотом радиоактивный кристалл или еще какая-нибудь муть с летающих тарелок.

Кертис рассмеялся, весело и нервно.

– Нет, нет, там двигатель, но не такой, как все. С обеих сторон блока цилиндров большие хромированные буквы «ББЮИК 8», на тот случай, коли механик забудет, с чем имеет дело. Восемь свечей, по четыре с каждой стороны, как и положено, восемь цилиндров – восемь свечей, но нет крышки распределителя зажигания и самого распределителя, во всяком случае, я их не увидел. Нет генератора и альтернатора.

– Да перестань!

– Эннис, чтоб мне сдохнуть, если я вру.

– А куда идут провода от свечей?

– Каждый образует кольцо и уходит в блок цилиндров.

– Бред какой-то!

– Да! Но ты послушай, Эннис, послушай! Короче, не прерывай меня своими репликами и дай рассказать. – Кертис

Уилкоккс вертелся на сиденье, но не отрывал глаз от «бьюика», которого буксировали впереди.

– Хорошо, Керт, я слушаю.

– Радиатор есть, но, насколько я могу судить, в него ничего не залито, ни вода, ни антифриз. Приводного вентиляторного ремня нет, и это логично, потому что нет и вентилятора.

– Масло?

– Есть картер и измерительный стержень, но на стержне нет делений. Есть аккумулятор «Делко», но, Эннис, он ни к чему не подключен. Проводов нет.

– Ты описываешь автомобиль, который не может ездить, – прокомментировал Эннис.

– Сам знаю. Я вытащил ключ из замка зажигания. Он на обычной цепочке. Но цепочкой все и заканчивается. Брелка нет.

– Другие ключи?

– Тоже нет. И ключ зажигания – вовсе не ключ. Полоска металла вот такой длины. – Кертис развел большой и указательный пальцы на пару дюймов.

– Болванка, правильно я тебя понял? Болванка, какими пользуются при изготовлении дубликатов ключей?

– Нет. Никакого намека на ключ. Просто полоска металла.

– Ты попробовал завести двигатель?

Керт, до того трещающий без остановки, ответил не сразу.

– Говори, – продолжил Эннис. – Я же твой напарник. И

не собираюсь тебя укусить.

– Конечно, попробовал. Хотел посмотреть, как работает двигатель.

– Разумеется, он работает. Кто-то ведь приехал на этом «бьюике», не правда ли?

– Роуч так говорит, но, заглянув под капот, я задался вопросом, лжет он или его загипнотизировали. И знаешь, ответа на этот вопрос у нас пока нет. Ключ не поворачивался. Словно замок зажигания заблокировали.

– И где сейчас ключ?

– Я его вставил в замок.

Эннис кивнул.

– Правильно. Когда ты открыл дверцу, лампочка под крышей загорелась? Или ее тоже нет?

Кертис помолчал, задумавшись.

– Да. Лампочка есть и она загорелась. Мне следовало это отметить. Но как она могла загореться? Как могла, если аккумулятор не подключен?

– Возможно, питание лампочки осуществляется от специальных конденсаторов. Такое возможно, – но по голосу чувствовалось, что Эннис и сам не очень-то верит в свои слова. – Что еще?

– Лучшее я оставил на закуску. Мне пришлось кое к чему прикоснуться, но я пользовался носовым платком и помню, к чему прикасался, так что не напускайся на меня.

Вслух Эннис ничего не сказал, но одарил молодого напар-

ника взглядом, который ясно говорил: если потребуется оторвать ему яйца, он, Эннис, их оторвет.

– Весь приборный щиток – туфта, одна видимость. Верньеры радиоприемника не поворачиваются, клавиши не нажимаются, ручка реостата нагревателя не двигается. Не нажимается и кнопка включения обогрева ветрового стекла. Такое ощущение, словно все залили цементом.

Эннис следом за тягачом свернул на подъездную дорожку к автостоянке патрульного взвода Д.

– Что еще? Есть что-нибудь еще?

– Более чем. До хера. – Последнее слово произвело впечатление на Энниса, потому что обычно Кертис не ругался. – Ты помнишь большущее рулевое колесо? Я думаю, оно тоже ложное. Я его покрутил, не волнуйся, только ладонями, и оно действительно вращается, по и против часовой стрелки, но только чуть-чуть. Может, оно заблокировано, как и замок зажигания, но...

– Но ты так не думаешь.

– Совершенно верно. Я так не думаю.

Тягач остановился перед гаражом Б. Заработал гидроподъемник, передние колеса «бьюика» покинули кузов, плавно опустились на землю. Водитель, Джонни Паркер, вышел из кабины, чтобы отцепить «бьюик», как всегда дымя сигаретой. Эннис и Керт сидели в патрульной машине «Д-19», глядя друг на друга.

– Так что же мы сюда привезли? – спросил Эннис. – Ав-

томобиль, который не может ездить сам и не может свернуть с шоссе 32 на автозаправочную станцию «Дженни». Без номеров. Без наклейки техосмотра... Тут его осенило. – Регистрационные документы? Ты проверял?

– На рулевой стойке их нет, – Керт открыл дверцу, ему не терпелось вылезти, – молодые, они такие нетерпеливые. И в бардачке тоже, потому что нет там никакого бардачка. Ручка есть, кнопка-защелка тоже, но кнопка не нажимается, ручка не дергается, маленькая дверца не открывается. Все декоративное, как и приборный щиток. Приборный щиток – макет. В пятидесятых автомобили не изготавливались с деревянными приборными щитками. Во всяком случае, американские автомобили.

Они вылезли из патрульной машины, постояли, глядя на заднюю часть «бьюика».

– Багажник? – спросил Эннис. – Он открывается?

– Да. Не заперт. Нажимаешь кнопку, и крышка поднимается, как у любого автомобиля. Но запах отвратительный.

– Запах?

– Как на болоте.

– Трупы?

– Трупов нет, ничего нет.

– Даже запаски? Домкрата?

Кертис покачал головой. Подошел Джонни Паркер, снимая рукавицы.

– Что-нибудь еще, парни?

Эннис и Керт покачали головами.

Джонни уже повернулся, чтобы уйти, но остановился.

– Что это значит? Кто-то решил пошутить?

– Мы еще не знаем, – ответил Эннис.

Джонни кивнул.

– Когда выясните, дайте мне знать. Любопытство до добра не доведет, но все-таки это не порок. Вы понимаете?

– Еще как понимаем, – ответил Кертис. Любопытствовать, но в меру – этот принцип стал для взвода Д образом жизни, а не просто поговоркой, без этого служба не ладилась.

Эннис и Керт наблюдали, как старик идет к кабине.

– Хочешь сказать что-то еще, прежде чем мы поговорим с сержантом Скундистом? – спросил Эннис.

– Да, – кивнул Кертис. – Там сейсмоопасная зона.

– Сейсмоопасная зона? И что это, черт побери, означает?

Вот тут Кертис и рассказал Эннису о передаче по образовательному каналу, которую он видел неделю назад. К тому времени к ним подошли несколько человек: Фил Кандлтон, Арки Арканян, Сэнди Диаборн и сержант Скундист.

В передаче речь шла о предсказании землетрясений. Надежного метода еще не разработали, но ученые в большинстве своем полагали, что в конце концов он обязательно появится. Потому что предвестники землетрясения имели место быть. Животные чувствовали его приближение, да и многие люди тоже. Собаки становились беспокойными, лаяли, требуя, чтобы их выпустили из дома. Лошади и коровы ме-

тались в стойлах, ломали изгороди загонов. Курицы в клетках вдруг начинали беспокойно летать по ним, ломая крылья. Некоторые люди заявляли, что слышали высокий гудящий звук, идущий из земли, за пятнадцать или двадцать минут до сильного толчка (и если некоторые люди могли его слышать, вполне вероятно, что животные слышали этот звук куда как лучше). Опять же, падала температура. Не все чувствовали ее понижение перед землетрясением, но многие говорили об этом. Их слова иногда подтверждались данными синоптиков.

– Ты пудришь мне мозги? – спросил Тони Скундист.

Конечно же, нет, ответил Кертис. За два часа до великого землетрясения 1906 года температура в Сан-Франциско упала на целых семь градусов, это зарегистрированный факт. Хотя в остальном погодные условия оставались неизменными.

– Удивительно, – признал Эннис, – но при чем тут «бьюик»?

Вокруг уже собралась небольшая толпа патрульных. Кертис оглядел их, предполагая, что, возможно, на следующие шесть месяцев у него появится радиопозывной Сейсмолог, но все же ответил на вопрос. Пока Эннис находился в конторке заправочной станции и допрашивал Брэдли Роуча, он сидел за большим рулевым колесом, помня, что прикасаться к нему можно только ладонями. И сидя в кабине, услышал высокий гудящий звук. Не только услышал, но и почувство-

вал.

– Оно шло ниоткуда, это высокое, устойчивое гудение. Я чувствовал, как от него вибрируют пломбы в зубах. Думаю, будь оно чуть сильнее, в карманах задрезжалась бы мелочь. Есть слово, объясняющее это явление, мы изучали его на физике, да вот вылетело из памяти.

– Гармоника, – подсказал Тони. – Когда две вещи начинают вибрировать вместе, как камертоны или бокалы для вина.

Кертис кивнул.

– Да, гармоника. Я не знаю, что вызывало это гудение, но оно было очень сильным и расположилось прямо по центру моей головы. Знаете, как бывает, когда встанешь под линией высокого напряжения на Блаффс. И пусть это покажется безумием, но через какое-то время мне начало казаться, что это не просто звук, кто-то пытается разговаривать со мной.

– Я однажды трахнул девушку на Блаффс, под этой самой линией, – сказал Арки точь-в-точь, как Лоренс Уэлк. – Получилось очень гармонично, все так.

– Прибереги это для своих мемуаров, – осадил его Тони. – Продолжай, Кертис.

– Да, сэр. К тому времени, когда я попытался нажать на клавиши радиоприемника, до меня дошло, что в кабине холодно. День теплый, автомобиль стоит на солнцепеке, а в кабине холодно. И еще этот гул. Вот тогда я и вспомнил передачу о землетрясениях. – Кертис медленно покачал головой. – У меня возникло ощущение, что я должен вылезти из

кабины и побыстрее. Гудение, однако, ослабело, зато стало еще холоднее. Как в леднике.

Тони Скундист, сержант, командовавший патрульным взводом Д, подошел к «бьюику». Не прикоснулся, лишь всунулся в окно. С полминуты простоял, всматриваясь, вслушиваясь в интерьер кабины темно-синего автомобиля, заложив руки за спину. Остальные патрульные сгрудились вокруг Кергиса, дожидаясь, пока Тони закончит осмотр. С тех пор как они надели серую форму дорожной полиции Пенсильвании, лучшего командира у них не было. Смелого, решительного, справедливого, а когда надо, то и хитрого. Командир патрульного взвода уже становился политической фигурой. Ежемесячные совещания в управлении. Звонки из Скрантона. Конечно, до вершины служебной лестницы путь еще предстоял не близкий, но и Тони уже приходилось играть в бюрократические игры. С этим он справлялся неплохо, оберегал свою задницу, хотя точно знал, да и его подчиненные знали, что высоко не поднимется. Да он этого и не хотел. Потому что Тони прежде всего заботился о своих мужиках... а после того, как Ширли заменила Мэтта Бабицки, о своих мужиках и женщине. Другими словами, о своем взводе. Взводе Д. Патрульные знали об этом не по его словам, а по делам.

Наконец Тони вернулся. Снял шляпу, провел рукой по коротко стриженным волосам, надел. Штрипкой назад, как, согласно инструкции, полагалось носить ее летом. Зимой штрипка располагалась под подбородком. Такова традиция,

а как и в любой организации, существующей долгое время, в полиции штата Пенсильвания традиций хватало. До 1962 года патрульным, чтобы жениться, требовалось получить разрешение сержанта (и сержанты частенько этим пользовались, чтобы отсеять новичков и непригодных к работе).

– Никакого гудения, – поделился Тони своими впечатлениями. – И температура внутри, мне показалось, какая и должна быть. Может, чуть прохладнее, чем снаружи, но... – Он пожал плечами.

Кертис порозовел.

– Сержант, я клянусь...

– Я не ставлю под сомнения твои слова, – остановил его Тони. – Если ты говоришь, что эта штуковина гудела, как камертон, я тебе верю. Откуда, по-твоему, исходил звук? Из двигателя?

Кертис покачал головой.

– Из багажника?

Та же реакция.

– Из-под днища?

Третий раз Кертис покачал головой, только лицо его стало пунцовым.

– Тогда откуда?

– Из воздуха, – с неохотой ответил Кертис. – Я знаю, это похоже на бред, но... да. Из воздуха. – Он огляделся, ожидая, что вокруг все загогочут. Никто даже не улыбнулся.

В этот самый момент к компании присоединился Орвиль

Гарретт. Он выезжал на строительство новой дороги, где прошлой ночью раскурочили несколько единиц тяжелой строительной техники. Вместе с ним пришел и Мистер Диллон, талисман взвода Д. Немецкая овчарка с небольшой примесью колли. Орвиль и Хадди Ройер нашли его щенком, барахтающимся в колодце заброшенной фермы на Соумилл-роуд. Пес мог упасть в него случайно, но, возможно, его туда и бросили.

Мистер Диллон не был полицейской собакой в полном смысле этого слова, но только потому, что никто его не тренировал. Ума ему хватало, как и зубов. И какой-нибудь плохиш, повысивший голос и начавший тыкать пальцем в патрульного взвода Д в присутствии Мистера Диллона, рисковал до конца дней своих ковырять в носу кончиком карандаша.

– Что происходит, парни? – спросил Орвиль, но, прежде чем кто-то успел ответить, Мистер Диллон завыл. Сэнди Диаборн, оказавшийся рядом с собакой, никогда в жизни не слышал такого воя. Мистер Д развернулся мордой к «бьюику». Задрал голову, подогнул задние лапы. Словно собрался наложить кучку, если б не шерсть. Все до единого волоски встали дыбом. По спине Сэнди пробежал холодок.

– Святой Боже, что это с ним? – в изумлении прошептал Фил, и тут же вой повторился. Мистер Д сделал три или четыре шажка к «бьюику», не меняя позы, с задранной к небу головой и поджатыми задними лапами. Раскрытой пастью.

Зрелище было жуткое. Потом улегся на асфальт, тяжело дыша и подвывая.

– Что за черт? – вырвалось у Орва.

– Возьми его на поводок и отведи в дом, – распорядился Тони.

Орв все сделал, как велено, чуть ли не бегом припустился за поводком. Фил Кандлтон, особо благоволивший к псу, пошел вместе с Орвом, как только на Мистера Диллона недели ошейник; он иногда наклонялся – погладить собаку по голове, сказать ей ласковое слово. Потом рассказывал: пс дрожал всем телом.

Никто ничего не сказал. Надобности не было. Все думали о том, что Мистер Диллон наглядно подтвердил правоту Кертиса. Землю не трясло, и Тони ничего не услышал, когда сунул голову в окно «бьюика», но что-то с автомобилем было не так. И большим рулевым колесом и странным ключом зажигания дело не ограничивалось. От автомобиля следовало ожидать куда более худшего.

В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века эксперты полиции штата Пенсильвании, приписанные к региональным управлениям, напоминали перекати-поле, мотаясь по вызовам различных подразделений. Если говорить о взводе Д, то его региональное управление находилось в Батлере. Тогда у экспертов не было мини-вэнов, оборудованных по последнему слову техники. О такой роскоши больших мега-

полисов даже не мечтали. Собственно, появились они в сельских районах Пенсильвании только в самом конце столетия. Эксперты ездили на патрульных машинах, правда, без сирен, маячков и соответствующей маркировки, все свое добро возили в багажниках и на задних сиденьях, а несли на место преступления в больших парусиновых баулах с логотипом ПШП¹³ на боках. Обычно экспертная бригада состояла из трех человек: шефа и двух техников. Иногда среди них встречались и практиканты. В большинстве своем они выглядели так молодо, что, пожалуй, в баре им бы не продали пива без предъявления документов.

Одна из таких бригад и прибыла во второй половине дня на базу патрульного взвода Д. Приехали они из Шиппенвиля, по личной просьбе Тони Скундиста. Визит был неформальный, не отмеченный в рапорте. Возглавлял бригаду Биби Рот, один из ветеранов полиции (шутники говорили, что Биби учился ремеслу, сидя на коленях Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Он и Тони Скундист отлично ладили, и Биби не возражал против того, чтобы откликнуться на просьбу сержанта. При условии, что начальство останется в неведении.

¹³ ПШП – полиция штата Пенсильвания.

Теперь: Сэнди

Нед прервал меня, спросив, почему осмотр «бьюика» экспертами проводился по личной договоренности, без официального оформления документов. Он не понимал причины.

– Потому что, – ответил я, – единственным правонарушением, которое мы могли усмотреть, была кража бензина «хай-тест» на семь долларов. По такой мелочевке бригаду экспертов не вызывают.

– Почти столько же бензина они сожгли, добираясь до нас из Шиппенвиля, – подсказал Арки.

– Не говоря уже об оплате затраченного на поездку времени, – добавил Фил.

– Тони не хотел начинать бумажную волокиту, – пояснил я. – Не забывай, дела не заводили. У нас был лишь автомобиль. Очень странный автомобиль, все так, без номерных знаков, без регистрации и, Биби Рот это подтвердил, без заводского идентификационного номера.

– Но у Роуча были основания предполагать, что водитель «бьюика» утонул в реке, протекавшей за заправочной станцией!

– Какие основания? – усмехнулся Сэнди. – Пальто водителя обернулось пластиковым контейнером для мусора. Мало ли какие бредовые идеи могли возникнуть у Брэдли Роуча.

– Плюс, – вставил Фил, – Эннис и твой отец не нашли на

склоне никаких следов, а трава оставалась влажной. Если бы этот парень действительно скатился по склону, что-нибудь он бы после себя оставил.

– А главное, Тони хотел, чтобы информация о «бьюике» не распространялась дальше нашего взвода, – добавила Ширли. – Правильно я излагаю, Сэнди?

– Да. Таких «бьюиков» нам видеть, конечно, не доводилось, но в принципе мы вели себя точно как в случаях, когда сталкиваемся с чем-то неординарным: с гибелью патрульного, к примеру, твоего отца в прошлом году, с применением патрульным оружия, с несчастным случаем вроде того, что произошел по вине Джорджа Моргана, преследовавшего психа, что увез собственных детей.

Какое-то время мы молчали. Копам снятся кошмары, жена любого патрульного это подтвердит, но вот по этой части Джорджу Моргану, должно быть, пришлось едва ли не хуже всех. Джордж разогнался до девяноста миль, догоняя этого психа, который колотил детей, когда увозил их, заявляя, что в этом проявляется его любовь. И тут случилось непоправимое.

Джордж практически догнал автомобиль психа и уже собрался прижать его к обочине, когда семидесятилетней старушке, уступающей в скорости черепахе, да еще и слепой, вздумалось перейти дорогу. Ее сшиб бы псих, сойди она с тротуара на тридцать секунд раньше, но она не сошла. Так что псих проскочил правее, едва не шибанув ее по носу пра-

восторженным зеркалом. Следом мчался Джордж, и от старушки осталось мокрое место. Он прослужил в полиции двенадцать лет, не получил ни одного взыскания, дважды поощрялся за храбрость, несчетное число раз отмечался в приказах. Был прекрасным отцом, верным мужем, и все это закончилось, когда старушка из Лассбурга выбрала неудачный момент, чтобы перейти улицу, и в результате нашла смерть под колесами патрульной машины Д-27. Специальная комиссия при администрации штата оправдала Джорджа, и он вернулся во взвод Д, хотя от работы на патрульной машине был отстранен, по своей же просьбе. То есть комиссия не возражала, чтобы он в полном объеме выполнял обязанности, но возникла проблема: Джордж Морган больше не мог сесть за руль. Даже если жена просила отвезти ее в торговый центр. Его начинало трясти, а из глаз текли слезы. В то лето он работал ночами, в коммуникационном центре, а днем тренировал спонсируемую взводом Д детскую команду бейсбольной Малой лиги, готовя ее к первенству штата. Когда соревнования закончились, он отдал детям завоеванный кубок и медали, сказал, что очень ими гордится, приехал домой (его подвезла мать одного из игроков), выпил две бутылки пива, а потом в гараже вышиб себе мозги. Записки не оставил, копам это не свойственно. Я написал по этому поводу пресс-релиз. Читая его, вы бы и не поняли, что писал я с катящимися по щекам слезами. А теперь вдруг понял, как это важно – объяснить сыну Кертиса Уилкокса, почему я плакал.

– Мы – семья, – сказал я. – Я знаю, звучит высокопарно, но это правда. Даже Мистер Диллон это знал, да и ты, полагаю, тоже. Не так ли?

Парнишка кивнул. Естественно. Через год после смерти отца мы действительно стали для него семьей, которую он очень ценил, которую сам нашел и которая помогала ему пережить боль, вызванную уходом дорогого ему человека. Мать и сестры любили его, и он их любил, но они как-то сумели приспособиться, а вот Нед – нет... во всяком случае пока. И потому, что был мужчиной, а не женщиной. И потому, что ему было восемнадцать. И потому, что не находил ответа на многие мучившие его вопросы.

– Разговоры и поведение членов семьи за закрытыми дверями и их поведение и разговоры на лужайке или когда двери открыты – большая разница. Эннис знал, что «бьюик» не такой, как все, твой отец знал, Тони, я. Мистер Диллон точно знал. Как он выл... – Я на мгновение замолчал. Вой этот я не раз слышал в кошмарных снах. – Но по закону это всего лишь предмет, *res*¹⁴, как говорят адвокаты, за которым нет никакой вины. Не могли же мы задерживать «бьюик» за кражу бензина, правда? А мужчина, который попросил наполнить бак, исчез и найти его не представлялось возможным. В крайнем случае мы могли рассматривать «бьюик» как конфискат.

Нед хмурился, как человек, не понимающий того, что

¹⁴ Res – вещь, предмет (*лат.*).

слышит. Я его не винил. Объяснял не так ясно, как самому хотелось. А может, играл в давнишнюю знаменитую игру, название которой «Это не наша вина».

– Послушай, – вмешалась Ширли. – Допустим, женщина решила воспользоваться туалетом на заправочной станции и забыла на раковине обручальное кольцо с бриллиантом, где его и нашел Брэдли Роуч. Сечешь?

– Секу... – Нед все хмурился.

– И давай представим себе, что Роуч принес его к нам, вместо того чтобы положить в карман, а потом сдать в ломбард в Батлере. Мы все документально оформили, даже сообщили патрульным марку и модель автомобиля женщины, если бы Роуч назвал их нам... но кольцо мы бы не взяли. Так, Сэнди?

– Так, – кивнул я. – Мы бы посоветовали Роучу дать объявление в газету. «Найдено женское кольцо. Если вы думаете, что оно ваше, позвоните по этому номеру и опишите его». На что Роуч мог бы резонно указать нам, что такое объявление стоит добрых три доллара.

– А мы бы напомнили ему, – добавил Фил, – что люди, которые находят что-то ценное, часто получают вознаграждение, так что в конце концов можно и раскошелиться на три доллара.

– Но если бы женщина так и не позвонила, – я взял инициативу в свои руки, – то кольцо стало бы собственностью Роуча. Это древнейший закон в истории человечества: кто

нашел, тот и хозяин.

– Поэтому Эннис и мой отец присвоили «бьюик»?

– Нет, – возразил я. – «Бьюик» присвоил взвод Д.

– А как же кража? Вы ее документально оформили?

– Знаешь, – я усмехнулся, – семь долларов – не такие деньги, ради которых стоит переводить бумагу. Правда, Фил?

– Конечно, – подтвердил Фил. – Но с Хью Босси мы все уладили.

Неда осенило.

– Вы заплатили за бензин из расходного фонда.

На лице Фила отразился притворный ужас.

– Господь с тобой, юноша. Расходный фонд – тоже деньги налогоплательщиков.

– Мы пустили шляпу по кругу. – Я прояснил ситуацию. – Каждый дал, сколько мог. Набрать семь долларов – не большая проблема.

– Если бы Роуч нашел кольцо, на которое никто не заявил права, оно отошло бы ему, – повторил Нед наши рассуждения. – Тогда почему он не получил «бьюик»?

– Может, и получил, если бы сразу оставил себе. Но он передал его нам, так ведь? Не хотел иметь с ним ничего общего.

Арки постучал себя по лбу, подмигнул Неду.

– В голове у него не мозги, а опилки.

На мгновение я подумал, что Нед повернет разговор на молодого человека, который, повзрослев, убил его отца, но

он отбросил эту идею. Я буквально прочитал его мысли.

– Продолжайте. – Он посмотрел на меня. – Что было дальше?

Кто мог устоять перед таким искушением?

Тогда

Биби Роту и его детям (так он называл своих помощников) потребовалось сорок пяти минут, чтобы осмотреть «бьюик» от бампера до бампера. Молодые люди снимали отпечатки пальцев и фотографировали, Биби ходил вокруг, что-то записывал, иногда молча на что-то указывал шариковой ручкой.

Где-то через двадцать минут Орв Гарретт вывел из здания Мистера Диллона. Собака была на поводке, что в расположении взвода случалось крайне редко. К ним подошел Сэнди. Мистер Диллон не скулил, перестал дрожать, но хвост спрятался между задних лап, а взгляд темно-карих глаз не отрывался от «бьюика». Откуда-то из глубины его груди, на пределе слышимости, доносилось глухое мерное рычание, словно там работал мощный двигатель.

– Ради Бога, Орви, уведи его в дом. – Сэнди Диаборн погладил пса по голове.

– Хорошо. Я просто подумал, что все уже закончилось. – Гарретт помолчал, потом добавил: – Я слышал, ищейки ведут себя так, когда находят тело. Я знаю, никакого тела нет, но, может, в машине кто-то умер.

– Мы этого не знаем. – Сэнди смотрел на Тони Скундиста, направляющегося к Биби Роту. Его сопровождал Эннис Рафферти. Керт Уилкоккс уехал на патрулирование, против

своей воли. И Сэнди сомневался, что в этот день даже первой красавице Америки удалось бы уговорить его не выписывать штраф за нарушение правил дорожного движения. Керт хотел остаться на базе взвода Д, наблюдать за работой Биби Рота и его команды, а не колесить по окрестным дорогам. Не вышло – вот лихачи Западной Пенсильвании за это и ответят.

Мистер Диллон открыл пасть и завыл, словно у него что-то заболело. Сэнди предположил, что так оно и было. Орв увел собаку в дом. Пять минут спустя Сэнди тоже покинул базу вместе со Стивом Дево: на автостраде 6 столкнулись два автомобиля.

Биби Рот докладывал Тони и Эннису о проделанной работе, пока члены его команды (в тот день – трое) сидели за пластиковым столиком, поставленным в тени гаража Б, ели сэндвичи и пили ледяной чай, принесенные Мэттом Бабицки.

– Я очень признателен тебе, что ты смог выкроить на это время, – начал Тони.

– Рад, что ты ценишь мое время, – ответил Биби, – и надеюсь, что больше к этому делу возвращаться не будем. Я не хочу писать отчет, Тони. После него мне никто никогда ни в чем не поверит. – Он посмотрел на свою команду и хлопнул в ладоши, как мисс Френсис в «Школе Динг-Донг». – Хотим мы писать отчет, дети? – Один из детей, помогавших ему в

тот день, в 1993 году стал главным медицинским экспертом Пенсильвании.

Они посмотрели на него, двое молодых людей и удивительно красивая молодая женщина. Сандвичи застыли в руках, брови изогнулись. Никто не знал, какой требуется ответ.

– Нет, Биби, – подсказал он.

– Нет, Биби, – в унисон ответили они.

– Нет что?

– Никаких отчетов, – ответил первый молодой человек.

– Никаких копий, – добавил второй молодой человек.

– Никаких вторых и третьих экземпляров, – воскликнула молодая женщина удивительной красоты. – Никакого первого экземпляра!

– Хорошо! – кивнул он. – И с кем мы собираемся обсудить увиденное сегодня, Kinder¹⁵?

На этот раз подсказка им не потребовалась.

– Ни с кем, Биби!

– Именно так, – согласился Биби. – Я вами горжусь.

– И потом, это наверняка чья-то шутка, – заметил один из молодых людей. – Кто-то решил вас разыграть, сержант.

– Я не исключаю и такой вариант, – ответил Тони, подумав, повернулся ли чей-нибудь язык это сказать, если б кто-нибудь видел, как выл Мистер Диллон и приседал на задние лапы. Мистера Д ведь определенно никто не разыгрывал.

Дети вернулись к сандвичам, чаю и своим разговорам.

¹⁵ Kinder – дети (нем.).

Биби тем временем улыбался, глядя на Тони и Энниса Рафферти.

– Они видят все, на что смотрят, с беззаботностью юности, а потому ничего не видят. Молодые – такие милые идиоты. Что ты нам показал, Тони? Есть идеи? Может, из показаний свидетелей?

Биби повернулся к Эннису, который, возможно, и подумал, а не рассказать ли Биби все, что знал, но решил промолчать. Биби, конечно, хороший человек... но не носил серую форму.

– Это не автомобиль, двух мнений тут быть не может, – продолжил Биби. – Но чья-то шутка? Нет, по-моему, исключено.

– Есть где-нибудь кровь? – спросил Тони, не зная, какой ответ ему хочется услышать, положительный или нет.

– Для этого придется сделать микроскопический анализ взятых нами образцов, но я думаю, что нет. А если все-таки есть – только следы.

– Что вы нашли?

– По большому счету ничего. Мы не брали образцов с протекторов, потому что там нет ни пыли, ни грязи, ни камешков, ни осколков стекла, ни травы. Я бы сказал, что такое невозможно. Генри, – он указал на первого молодого человека, – пытался вставить камешек в прорезь протектора, но он постоянно выпадал. Как? Почему? Можно это запатентовать? Если тебе удастся, Тони, на пенсию ты сможешь уйти

гораздо раньше положенного срока.

Тони потирал щеку подушечками пальцев, показывая тем самым, что ситуация его вконец запутала.

– Слушай дальше. Возьмем коврики на полу. Обычно они служат для сбора грязи. По каждому можно написать целый геологический трактат. Обычно. Но не в нашем случае. Да, комки земли есть. Даже смятый стебель одуванчика. И все. – Он посмотрел на Энниса. – Я думаю, это – с подошв твоего напарника. Говоришь, он сел за руль?

– Да.

– А я имею в виду коврик под ногами водителя. Там мы это все и обнаружили. – Биби потер ладони.

– Отпечатки пальцев? – спросил Тони.

– Трех человек. Я бы хотел получить отпечатки пальцев твоих патрульных и этого заправщика. Отпечатки пальцев, которые мы нашли на лючке над горловиной бака, наверняка принадлежат этому парню с заправочной станции. Согласен?

– Скорее всего, – кивнул Тони. – Сравнить отпечатки пальцев ты сможешь?

– Конечно. И проверю образцы материалов. Только не проси меня посылать что-нибудь для анализа на газовый хроматограф в Питтсбург, будь хорошим мальчиком. Все оборудование, которое стоит в моей лаборатории, я использую. А это немало.

– Ты славный человек, Биби.

– Да, но даже самый лучший принимает приглашение на

обед, если оно исходит от друга.

– Ты его уже получил. А пока, что еще интересного?

– Стекло – это стекло. Дерево – дерево... но деревянного приборного щитка в этой модели... в модели, о которой мы говорим, нет. У моего старшего брата был «бьюик» конца пятидесятых. «Лимитед». Я учился на нем ездить, так что помню достаточно хорошо. Со страхом и любовью. Приборный щиток был из винила. Я бы сказал, что чехлы на сиденьях этого автомобиля – тоже винил, что в принципе соответствует модели. Но проверю в «Дженерал моторс». Одометр... очень любопытный. Вы обратили внимание на одометр?

Эннис покачал головой. Его словно загипнотизировали.

– Сплошные нули. Что соответствует действительности. Этот автомобиль, этот вроде бы автомобиль, не проехал и одного фута. – Он перевел взгляд на Тони, вновь посмотрел на Энниса. – Скажите мне, что вы не видели, как он ехал. Что не видели, как он сам по себе сдвигался с места.

– Я не видел, – ответил Эннис. Не кривя душой. Но не стал добавлять, что Брэдли Роуч заявил, что видел, как «бьюик» сам подкатил к бензоколонкам, а Эннис, который провёл множество допросов, ему поверил.

– Хорошо. – На лице Биби отразилось облегчение. Он вновь хлопнул в ладоши, как миссис Френсис. – Пора ехать, дети! Поблагодарите нашего хозяина за радушный прием!

– Спасибо, сержант, – хором отозвались помощники

Биби. Молодая женщина удивительной красоты допила чай, рыгнула и вслед за своими коллегами в белых халатах направилась к автомобилю, на котором они приехали. Тони не без удивления отметил, что ни один из них не удостоил «бьюик» и взглядом. Для них это дело закрылось, а впереди ждало много новых. Для них «бьюик» представлял собой старый автомобиль, который становился еще дряхлее с каждой минутой, проведенной под летним солнцем. Даже если камешки выпадали из протектора в верхней части колеса, где их должна была удерживать сила тяжести. Даже если по одному борту было три воздухозаборника вместо четырех.

«Они видят и не видят одновременно, – сказал Биби. – Молодые – такие милые идиоты».

Биби, убедившись, что его милые идиоты уже готовы к отъезду, двинулся к собственному автомобилю (Биби любил, когда была возможность, приезжать на место преступления в гордом одиночестве), остановился.

– Я сказал, что дерево – это дерево, пластмасса – пластмасса, стекло – стекло. Вы меня слышали?

Тони и Эннис кивнули.

– Мне кажется, что выхлопная система этого вроде бы автомобиля также изготовлена из стекла. Разумеется, под днище я не забирался, только заглянул со стороны. Но у меня был фонарик. И очень мощный. – Он несколько минут постоял, глядя на «бьюик», застывший перед гаражом Б, засунув руки в карманы, перекатываясь с носков на пятки и об-

ратно. – Никогда не слышал об автомобиле со стеклянной выхлопной системой, – изрек он и зашагал к своей машине. Минутой позже он и его «дети» отбыли.

Тони не нравилось, что автомобиль стоит на автостоянке. Тревожили его не превратности погоды, а люди, которые могли зайти в расположение взвода и увидеть «бьюик». Думал он, естественно, о мистере и миссис Джон Кью. Паблик. Другими словами, о налогоплательщиках. Полиция штата служила семье Джона Кью как могла, порой не щадя жизней собственных сотрудников. Но при этом полного доверия к ней не испытывала. Семья Джона Кью не была семьей взвода Д. И сержанту Скундисту не хотелось даже думать, что будет, если пойдут разговоры о «бьюике», даже если только поползут слухи.

В тот же день, где-то без четверти три, он прогулялся в маленький кабинетик Джонни Паркера (в те дни дорожная служба располагалась рядом) и уговорил Джонни убрать одну из снегоуборочных машин из гаража Б, чтобы поставить туда «бьюик». Пинта виски поспособствовала принятию решения, и «бьюик» завезли в пропахшую маслом темноту, которая и стала его домом. В гараже Б ворота были на каждом торце. Джонни завез автомобиль через задние ворота, в результате «бьюик» встал на многолетнюю стоянку, нацелившись зубастой радиаторной решеткой на автостоянку и расположенное за ним здание, где базировался взвод Д. И

патрульные никогда не забывали об этом, не обсуждали, но помнили, что хромированная улыбка направлена на них.

В 1979 году во взводе Д служили восемнадцать патрульных, которые, как и везде, работали в три смены: с семи до трех, с трех до одиннадцати и в ночь, эта смена называлась замогильной, в каждом автомобиле сидели по двое патрульных. По пятницам и субботам к замогильной смене больше подходило другое название: блевотная.

В день прибытия «бьюика», к четырем дня, большинство патрульных узнали про это неординарное событие и заглянули в расположение взвода. Сэнди Диаборн, вернувшийся с места столкновения двух автомобилей на автостраде 6 и печатавший рапорт, видел, как они собирались по троечетверо и шли к «бьюику», словно туристы, осматривающие местную достопримечательность. Керт Уилкоккс уже закончил смену и водил многих, как профессиональный гид, указывая на несоответствие числа воздухозаборников и слишком уж большое рулевое колесо, поднимая капот, чтобы они могли полюбоваться неработающим блоком цилиндров с закольцованными проводами и надписью «БЬЮИК 8» с обоих боков.

Другие экскурсии проводил Орв Гарретт, вновь и вновь рассказывая о странном поведении Мистера Д. Сержант Скундист, уже зачарованный этим вроде бы автомобилем (он оставался под влиянием этих чар, пока болезнь Альцгейме-

ра не лишила его памяти), то и дело подходил к «бьюику». Сэнди помнил, как в какой-то момент он встал у открытых ворот гаража Б, сложив руки на груди, и смотрел на «бьюик». Компанию ему составлял Эннис – он курил маленькую сигару «Типарильо», которые ему так нравились, и что-то говорил. Тони кивал. Шел четвертый час, Тони, как и Кертис, закончил смену и уже успел переодеться в джинсы и белую рубашку. После трех, точнее Сэнди установить время не мог. Хотел бы, но увы.

Потом Тони и Эннис вошли в гараж, посмотрели на двигатель, капот как подняли, так и не опускали, присели на корточки – взглянуть на экзотическую стеклянную выхлопную систему. Только смотрели, ни к чему не прикасаясь. Джон Кью и его семейство не удержались бы от того, чтобы все полапать, но эти двое служили в полиции. Они понимали: пусть сейчас «бьюик» и не является вещественной уликой, в будущем ситуация может измениться. Особенно если мужчину, который так внезапно исчез с заправочной станции «Дженни», вдруг найдут мертвым.

– Если этого не произойдет и не случится чего-то еще, я намерен держать автомобиль здесь, – сказал Тони Мэтту Бабицки и Филу Кандлгону. Где-то в пять дня, через два часа после окончания смены у всех троих, они решили, что пора домой. Сэнди уехал чуть позже четырех, хотел перед обедом покосить лужайку.

– Почему он должен стоять здесь? – спросил Мэтт. – В

чем смысл?

Тони спросил Мэтта и Филадельфия, знают ли они что-нибудь о Кардиффском гиганте. Получив отрицательный ответ, рассказал эту историю. Гиганта нашли в расположенной в штате Нью-Йорк Онандага-Вэлью. Были гипотезы, что это окаменевший труп гигантского гуманоида, то ли пришельца из другого мира, то ли недостающее связующее звено между обезьяной и человеком. И лишь потом выяснилось, что это подделка, сработанная неким Джорджем Халлом, который изготавливал сигары в Бингхэмптоне.

– Но до того как Халл сознался, – продолжил Тони, – весь мир, включая Ф. Т. Барнума¹⁶, сбежался взглянуть на находку. Поля соседних фермеров вытоптали. В дома вламывались. Какие-то идиоты, заночевавшие в лесу, устроили пожар. Даже после того как Халл во всем сознался и рассказал, как «окаменелого человека» вытесали в Чикаго и на поезде привезли в штат Нью-Йорк, люди продолжали приезжать. Они отказывались верить, что это подделка. Вы же знаете поговорку: «На наш век простаков хватит». Она появилась в 1869 году и относилась к тем, кто уверовал в подлинность Кардиффского гиганта.

– И что ты хочешь этим сказать? – спросил Фил.

¹⁶ Барнум Финиас Тейлор (1810–1891) – знаменитый импресарио, создатель цирка. В 1882 г. приобрел огромного слона по кличке Джамбо и выдавал за последнего оставшегося в живых мастодонта. В 1865 г. опубликовал откровенную книгу «Пройдохи мира». Ему принадлежит фраза: «На наш век простаков хватит».

Тони коротко глянул на него.

– Что я хочу этим сказать? Все просто, новый Кардиффский гигант на вверенной мне территории не появится. Я приложу к этому все силы. Или, если уж говорить о наших делах, Туринский «бьюик».

Когда они пересекли автостоянку, к ним присоединился Хадди Ройер (Мистер Диллон трусил рядом). Хадди услышал последнюю фразу про Туринский «бьюик» и загоготал. Тони одарил его мрачным взглядом.

– Никаких Кардиффских гигантов в Западной Пенсильвании. Зарубите это себе на носу, парни, и передайте другим. Потому что это устный приказ. Никаких бумаг на доске объявлений я вывешивать не буду. Я понимаю, какие-то разговоры пойдут, но они быстро улягутся. Я не допущу, чтобы поля дюжины ферм амишей затоптали зеваки, особенно в период созревания урожая, понятно?

Его поняли.

К семи вечера жизнь возвратилась в привычное русло. Сэнди Диаборн убедился в этом сам, когда вернулся после обеда, чтобы еще раз взглянуть на «бьюик». Около него отирались лишь трое патрульных: двое в штатском, один в форме. Бак Фландерс, один из патрульных, чья смена закончилась, шелкал «кодаком». Сэнди забеспокоился, но потом подумал: а что, собственно, будет на фотографиях? «Бьюик», ничего больше, модель, которая давно уже стала раритетом».

Сэнди присел на четвереньки, заглянул под днище, вос-

пользовавшись ручным фонариком, который, должно быть, оставили рядом с автомобилем аккуратно для любопытствующих. Внимательно осмотрел выхлопную систему. Решил, что изготовили ее из «пайрекса». Какое-то время постоял, всунувшись в окно водителя. Гудения не услышал, холода не почувствовал, потом прошел в здание, чтобы перекинуться парой слов с Брайаном Коулом, выполнявшим обязанности сержанта в этой смене. Разговор начался с «бьюика», перешел на семьи, и они уже добрались до бейсбола, когда в кабинет заглянул Орвиль Гарретт.

– Кто-нибудь видел Энниса? Драконша на телефоне, и она недовольна.

Драконшей прозвали Эдит Хаймс, сестру Энниса. Она была на восемь или девять лет старше брата и давно уже овдовела. Многие во взводе Д нисколько не сомневались, что она убила своего мужа, просто свела в могилу. «У нее во рту не язык, а обоюдоострый нож», – как-то заметил Дикки-Дак Элиот. Керт, который виделся с дамой чаще других патрульных (обычно его напарником был Эннис, и они прекрасно ладили, несмотря на разницу в возрасте), пришел к выводу, что патрульный Рафферти так и не женился исключительно благодаря своей сестричке. «Я думаю, в душе он боялся, что они все ничем от нее не отличаются», – как-то поделился он своими мыслями с Сэнди.

Возвращаться на работу после смены – идея не из лучших, подумал Сэнди, проговорив с Драконшей долгих десять ми-

нут. «Где он, он обещал вернуться домой не позже половины седьмого, я приготовила мясо, как он хотел, покупала его по восемьдесят девять центов за фунт, а теперь оно пережарилось, превратилось в подошву, стало серым, как грязная вода в посудомоечной машине. Если он завернул в «Кантри уэй» или «Тэп», вы лучше сразу скажите мне, я ему позволю и объясню, что к чему». Она также сказала Сэнди, что у нее закончились таблетки для очистки воды и Эннис обещал привезти упаковку. Так где же он, черт побери? Остался на вторую смену? Она бы не возражала, видит Бог, лишних денег не бывает, только он мог бы и позвонить. Или он где-нибудь пьет? И хотя Драконша прямо так не сказала, по интонации Сэнди понял, что она ставит на второй вариант.

Сэнди сидел за диспетчерским пультом, одной рукой прикрыв глаза, пытаясь вставить в монолог Драконши хоть слово, когда появился Кертис Уилкоккс, в штатском, юный и веселый. Как и Сэнди, он приехал из дома, чтобы еще раз взглянуть на «роудмастера».

– Подождите, Эдит, одну секунду. – Сэнди закрыл микрофон рукой. – Помоги мне, новобранец. Ты знаешь, куда поехал Эннис?

– Уехал?

– Да, причем не домой. – Свободной рукой Сэнди указал на телефонную трубку. – Звонит его сестра.

– Если он уехал, почему его машина до сих пор здесь? – спросил Керт.

Сэнди вскинул глаза на Кертиса. Их взгляды встретились. Они не произнесли ни слова, но в голове каждого сверкнула одна и та же мысль.

Сэнди быстренько избавился от Эдит: обещал перезвонить ей или найти Энниса, чтобы тот позвонил ей сам, если он еще на территории базы. Потом вышел из здания вместе с Кертисом.

Насчет автомобиля Кертис не ошибся, не мог ошибиться, потому что над «гремлином» Энниса производства «Американ моторс»¹⁷ потешались все, кто только мог. Он стоял неподалеку от снегоуборочной машины, которую Джонни Паркер выкатил из гаража Б, чтобы освободить место для «бьюика». Солнце клонилось к горизонту, так что оба автомобиля отбрасывали длинные тени.

Сэнди и Керт заглянули в кабину «гремлина», но увидели лишь обычный хлам: обертки от гамбургеров, банки из-под газировки, коробочки «Типарильо», пара карт, запасная форменная рубашка, висевшая на плечиках у заднего сиденья, рыболовные снасти. Эта кабина просто радовала глаз в сравнении со стерильно чистой пустотой кабины «бьюика». И уж совсем они растаяли, если б увидели Энниса, похрапывающего за рулем в надвинутой на глаза бейсболке. Но вот

¹⁷ «Американ моторс» – автомобильная компания, созданная в 1954 г. и в 1986-м купленная «Крайслером». Первой представила на рынок компактный автомобиль («компакт»). «Гремлин» – экономичный двухдверный автомобиль, выпускался в 1975–1980 гг.

Энниса-то в кабине и не было.

Керт повернулся, зашагал обратно. Сэнди бросился следом, схватил за руку.

– Куда ты идешь?

– Надо позвонить Тони.

– Вот это ни к чему, – возразил Сэнди. – Пусть пообедают. Позвоним позже, если понадобится. Но я очень надеюсь, что мы сможем без этого обойтись.

Прежде чем проверять что-то еще, даже комнату отдыха наверху, Керт и Сэнди завернули в гараж Б. Обошли автомобиль, сунулись в кабину, заглянули под днище. Никаких следов Энниса Рафферти не нашли. В непосредственной близости от «бьюика» в этот момент вообще никого не было.

– Здесь холодно или мне кажется? – спросил Кертис, когда они уже собрались вернуться в здание. Опустился на колени, еще раз заглянул под днище. Поднялся, отряхнул брюки. – Я понимаю, здесь не холодильник, но вроде бы куда как прохладнее, чем должно быть, не правда?

Сэнди, наоборот, изнывал от жары, пот так и струился по лицу, но, возможно, причину следовало искать в нервах, а не в температуре воздуха в гараже. Он подумал, что холод, о котором говорит Керт, – отголосок того, что он чувствовал или думал, что чувствует, на автозаправочной станции «Дженни».

Керт без труда прочитал его мысли.

– Может, и так. Может, мне это только кажется. Черт, не знаю. Давай проверим всю базу. Может, он внизу, в каптерке, решил поспать. Не впервой.

Они вошли в гараж Б не через большие сдвигаемые ворота, а через обычную дверь, открываемую поворотом ручки, в правой стене. Керт остановился на пороге и, вместо того чтобы выйти из гаража, обернулся и еще раз посмотрел на «бьюик». Тот стоял у стены, где висели молотки, ножницы для резки металла, грабли, лопаты и даже один ручной бур (красные буквы «АА» на рукоятке расшифровывались не как «Анонимные алкоголики», но как Арки Арканян), и зло смотрел на вроде бы автомобиль. Почти с ненавистью.

– Это не мое подсознание, – говорил он скорее себе, чем Сэнди. – Я действительно почувствовал холод. Если не сейчас, то тогда уж точно.

Сэнди промолчал.

– И вот что я тебе скажу, – продолжал Керт. – Если этот чертов автомобиль останется здесь надолго, я повешу в гараже термометр. Заплачу за него из собственного кармана, если надо. И посмотри! Кто-то оставил открытым чертов багажник. Интересно, кто...

Он замолчал. Их взгляды встретились, в головах мелькнула одна и та же мысль: «Хорошие же мы копы».

Они заглянули в кабину «бьюика», под днище, но проигнорировали место, которое, по крайней мере в фильмах, убийцы, как профессионалы, так и любители, часто исполь-

зовали для временного хранения трупа.

Вновь подошли к «бьюику», постояли у заднего бампера, взглядываясь в черную щель под приподнятой крышкой багажника.

– Подними крышку, Сэнди, – прошептал Керт.

Сэнди не хотелось, но он понимал, что придется: Керт в конце концов новобранец. Глубоко вдохнул и поднял крышку. Она просто взлетела. Когда открылась до отказа, раздался громкий стук, от которого мужчины подпрыгнули. Керт схватил Сэнди за руку. Такими холодными пальцами, что Сэнди чуть не вскрикнул.

Мозг – мощный, но зачастую ненадежный механизм. Сэнди настолько уверовал, что они найдут Рафферти в багажнике, что на мгновение даже увидел его тело: в позе зародыша, в джинсах и белой рубашке, покойник, каких оставляют киллеры мафии в багажниках украденных «линкольнов».

Но на самом деле патрульные увидели лишь перекрещивающиеся тени. Багажник «бьюика» пустовал. И на коричневой обшивке не было ни единого инструмента или масляного пятна. Какое-то время они постояли, наконец Керт то ли хмыкнул, то ли нервно хохотнул.

– Пошли, – бросил он. – Нечего нам тут больше делать. И захлопни на этот раз эту чертову крышку. Перепугала меня до смерти.

– Меня тоже, – ответил Сэнди и с грохотом захлопнул крышку. Потом пошел за Кертом к двери в стене, увешанной

инструментами.

Кертис вновь оглянулся.

– Чертова штуковина, – вырвалось у него.

– Да уж, – согласился Сэнди.

– От нее мурашки по коже бегут, правда?

– Это точно, новобранец, но твоего напарника в ней нет.

И в гараже тоже. В этом можно не сомневаться.

Слово новобранец Кертиса не покорило. Они оба знали, что очень скоро он уже станет полноправным патрульным. Он смотрел на автомобиль, поблескивающий краской, с плавными обводами, – такой красивый. Смотрел прищурившись, так, что между веками синели лишь две полосы.

– Такое ощущение, что он разговаривает. Я уверен, это всего лишь мое воображение, но...

– Именно так.

– ...я буквально слышу его. Он что-то бормочет, бормочет и бормочет.

– Замолчи, а не то у меня кожа пойдет мурашками.

– Ты хочешь сказать, что пока еще не пошла?

Сэнди предпочел не отвечать.

– Валим отсюда, хорошо?

Они переступили порог, но, прежде чем закрылась дверь, Кертис еще раз успел посмотреть на «бьюик».

Они обследовали все здание, начали с верхнего этажа, где находилась комната отдыха и отделенная от нее синей занавеской

веской спальня с четырьмя койками. Энди Колуччи смотрел телевизор, двое патрульных, которым предстояло заступить в замогильную смену, спали; Сэнди слышал их храп. Тем не менее заглянул за занавеску. Все так, спящих двое, один мягко посапывает носом, другой, громко храпя, спит с открытым ртом. Энниса нет. Сэнди и не ожидал найти его там. Если Эннису хотелось поспать, он обычно шел в подвал и устраивался на большом вращающемся стуле, который хорошо смотрелся с металлическим столом времен Второй мировой войны и старым ламповым радиоприемником на полке, играющим легкую музыку. Однако они не нашли Энниса и в подвале. Радиоприемник молчал, вращающийся стул пустовал. Не удалось его обнаружить и в кладовых, маленьких, плохо освещенных, похожих на камеры в подземелье.

В здании было четыре туалета, считая стальной, без крышки унитаза в «Уголке плохишей». Эннис не прятался ни в одном из трех с дверьми. Не было его ни на кухне, ни в коммуникационном центре, ни в кабинете сержанта, который в это время пустовал, хотя дверь оставалась открытой.

Теперь к ним уже присоединился и Хадди Ройер. Орвиль Гарретт уехал домой (возможно, боялся, что сестра Энниса самолично заявится в расположение взвода) и оставил Мистера Диллона на попечение Хадди, так что собака тоже составила им компанию. Кертис объяснил, что они делают и почему. Хадди сразу все понял. У него было простецкое, открытое крестьянское лицо, но на отсутствие ума жаловаться

не приходилось. Сразу подвел Мистера Д к шкафчику Энниса, приказал принюхаться, что Мистер Д и проделал с неподдельным интересом. К ним подошел Энди Колуччи и еще двое свободных от смены патрульных, которые приехали на базу, чтобы поглазеть на «бьюик». Они вышли из здания, разделились на две группы и обошли территорию, зовя Энниса. Дневного света еще хватало, хотя солнце уже закатывалось за горизонт, окрашивая небо в красные тона.

Керт, Хадди, Мистер Д и Сэнди составили одну группу. Мистер Диллон шел медленно, нюхал все подряд, но лишь один раз оживился, около «гремлины» Энниса. Да только они уже знали, что в автомобиле никого нет.

Поначалу имя Энниса они выкрикивали, чувствуя себя полными идиотами, им казалось, узнай кто об этом, над ними начали бы смеяться, но когда они сдались и вернулись к зданию, настроение изменилось. Теперь они уже поняли, что ситуация более чем серьезная.

– Давай отведем Мистера Д в гараж и посмотрим, что он там унюхает, – предложил Керт.

– Ни в коем разе, – ответил Хадди. – Не нравится ему этот автомобиль.

– Да перестань, Эннис – мой напарник. А кроме того, возможно, отношение старины Д к автомобилю изменится.

Но отношение старины Д не изменилось. То есть вне гаража он вел себя нормально, но начал натягивать поводок, когда патрульные подходили к боковой двери. Голову опустил,

носом буквально терся об асфальт. Еще большую активность он проявил, когда они добрались до двери. Патрульные не сомневались, что пес уловил сильный запах Энниса.

Потом Кертис открыл дверь, и Мистер Диллон забыл про запахи. Тут же начал выть, подогнул задние лапы, будто их свело судорогой. Шерсть встала дыбом, он обмочился, оросив порог и бетонный пол гаража. А мгновением позже начал рваться с поводка, который держал Хадди, не переставая выть, пытаясь, пусть и с неохотой, войти в гараж. Ненавидел то, что стояло там, боялся, но тем не менее старался приблизиться.

– Ладно! Уведи его! – крикнул Керт. До этого он держался очень хорошо, но долгий и нервный день дал о себе знать, так что до срыва оставалось совсем ничего.

– Это не его вина, – начал Хадди, но, прежде чем продолжил, Мистер Диллон поднял голову и завыл... только Сэнди показалось, что это не вой, а крик. Собака вновь рванулась вперед, таща за собой Хадди. Она уже вошла в гараж, не переставая выть, рваться с поводка, ссаться, как щенок. Ссаться от ужаса.

– Я знаю, что не его, – кивнул Кертис. – Ты был прав с самого начала, я письменно извинюсь, если хочешь, но сейчас уберу его отсюда!

Хадди попытался вытащить Мистера Диллона из гаража, но пес был крупный, под девяносто фунтов, и не хотел уходить. Керту тоже пришлось взяться за поводок, чтобы сдви-

нуть Мистера Д в нужном направлении. Дело дошло до того, что они завалили собаку на бок и волоком вытащили из гаража (как мешок с хорьками, говорил потом Сэнди), хотя Мистер Д сопротивлялся отчаянно, выл и злобно скалил зубы.

Как только пса оттащили от двери, Керт захлопнул ее. В ту же секунду Мистер Диллон расслабился и перестал бороться.словно в его голове щелкнул выключатель. Пару минут полежал на боку, приходя в себя, потом вскочил. Недоуменно посмотрел на патрульных, как бы говоря: *«Что случилось, парни? Вроде бы все шло хорошо, а потом я ничего не помню»*.

– Срань господня, – просипел Хадди.

– Отведи его в дом, – попросил Керт. – Не следовало мне уговаривать тебя идти с ним в гараж, но я очень волнуюсь из-за Энниса.

Хадди увел пса, к Мистеру Д вновь вернулось спокойствие и хладнокровие, он задержался лишь затем, чтобы обнюхать башмаки других патрульных, которые обходили базу по периметру в поисках Энниса Рафферти. И поспешили к гаражу, услышав вой Мистера Д, узнать, что там происходит.

– Расходитесь, парни. – Так Сэнди всегда обращался к зевакам, собиравшимся на месте аварии. – Шоу закончено.

Они разошлись. Сэнди и Керт проводили их взглядами, стоя у закрытой двери гаража Б. Вскоре Хадди вернулся уже без Мистера Диллона. Сэнди наблюдал за Кертом, который вновь взялся за ручку двери, и вдруг ощутил, как изнутри

поднимается волна ужаса и напряженности. Чувство это в отношении гаража Б у него возникло впервые, но далеко не в последний раз. За последующие двадцать с небольшим лет он входил в гараж Б многократно, но всегда в нем поднималась темная волна, пугая ужасами, которые маячили на границе зоны видимости, недоступные даже периферийному зрению.

Впрочем, не все эти ужасы оставались недоступными. Некоторые удалось и увидеть.

Они вошли втроем, шурша подошвами по грязному бетону. Сэнди повернул выключатели у двери, и в свете вспыхнувших ламп они увидели «бьюик» – единственную декорацию на совершенно пустой сцене, единственное произведение искусства, выставленное в галерее, стилизованной под гараж. *«И как бы они назвали этот экспонат?»* – подумал Сэнди. В голове сверкнуло: *«Почти как «бьюик», – возможно потому, что внезапно вспомнился когда-то прочитанный фантастический роман Клиффорда Саймака. И тут же, наверное, из-за охватившего его ужаса, в ушах зазвучали строки песни Боба Дилана: «Что ж, если я там умру, ты знаешь, она должна накрыть одеялом постель».*

Почти как «бьюик» стоял перед ними, поблескивая бьюикскими фарами, лыбясь бьюикской радиаторной решеткой. Стоял на широких, дорогих покрышках с белыми боковинами, с деревянным приборным щитком-макетом внутри, с ру-

левым колесом, более уместным на большой яхте. И в нем таилось нечто такое, что заставляло взводного пса одновременно выть от ужаса и рваться вперед, будто его что-то притягивало, как магнит – железную стружку. Если раньше в гараже и было холодно, то теперь – нет. Сэнди видел пот, блестящий на лицах Керта и Хадди, и чувствовал его на своем.

Их общую мысль озвучил Хадди, чему Сэнди только порадовался. У него просто не повернулся бы язык, слишком невероятным казалось это предположение.

– Гребаная хреновина сожрала его. – Сомнения в голосе Хадди отсутствовали напрочь. – Я не знаю, как такое могло быть, но думаю, что он пришел сюда один, чтобы без помех все осмотреть... и эта хреновина... уж не знаю как... сожрала его.

– Она наблюдает за нами, – прошептал Керт. – Вы это чувствуете?

Сэнди посмотрел в поблескивающие стеклянные фары-глаза. На ухмыляющийся рот, полный хромированных зубов. Декоративная отделка фар напоминала ресницы. Он *что-то* чувствовал, это точно. Возможно, всего лишь детский трепет перед неведомым, ужас, который испытывают дети перед домом, в котором, как им сказали, обитают привидения. А может, прав Керт – за ними наблюдали. Почти как «бьюик» наблюдал за ними. Оценивая дистанцию, примериваясь к прыжку.

Они смотрели на него, тяжело дыша. А почти как «бьюик»

стоял, как будет стоять все грядущие годы, пока президенты приходили и уходили, пока пластинки уступали место лазерным дискам, пока акции росли в цене, а небоскребы падали, пока звезды кино жили и умирали, пока патрульные поступали на службу и увольнялись. Он стоял, реальный, как скалы и розы. И в какой-то степени они ощущали то же, что и Мистер Диллон: его *притяжение*. В последующие месяцы полицейские, стоящие бок о бок перед гаражом Б, уже ни у кого не вызывали удивления, это стало обычным делом. Они стояли, приложив руки к вискам, чтобы отсечь дневной свет, всматриваясь сквозь окна на больших гаражных воротах. Они напоминали зевак, которые сквозь щели в заборе смотрят на развернувшееся за ним строительство. Бывало, заходили в гараж (в одиночку – никогда, только вдвоем или втроем) и, заходя, вдруг сразу молодели, превращаясь в мальчишек, на спор прокрадывающихся на местное кладбище.

Керт откашлялся. От этого нарушившего мертвую тишину звука Хадди и Сэнди подпрыгнули, потом нервно рассмеялись.

– Пошли отсюда и позвоним сержанту, – сказал он, и на этот раз...

Теперь: Сэнди

– ...И на этот раз я возражать не стал. Пошел с ними как послушный мальчик.

В горле у меня пересохло. Я взглянул на часы и особо не удивился, увидев, что прошел целый час. Почему нет, смена-то у меня закончилась. Серые облака все теснее прижимались к земле, но отдаленные раскаты грома проползали южнее.

– В те давние дни, – раздался чей-то голос, грустный и веселый одновременно (этим фокусом, похоже, владеют только евреи и ирландцы), – мы думали, что будем жить вечно, не так ли?

Я повернул голову и увидел Хадди Ройера, уже переодевшегося в гражданское и сидевшего слева от Неда. Не заметил, когда он к нам подошел. У него было все то же открытое, честное крестьянское лицо, что и в 1979 году, но от уголков рта тянулись глубокие морщины, волосы поседели и заметно поредели. По моим прикидкам, теперь он был в том же возрасте, что и Эннис Рафферти в год своего загадочного исчезновения. Выйдя в отставку, Хадди намеревался купить «уиннибаго»¹⁸ и навещать многочисленных детей и внуков. Они расселились по всей Америке, включая, если мне не из-

¹⁸ «Уиннибаго» – дома на колесах и трейлеры производства одноименной компании.

меняет память, канадскую провинцию Манитоба. Если б вы попросили и даже не попросили, он обязательно показал вам карту США с красными линиями намеченных маршрутов.

– Да, – вздохнул я, – должно быть, думали. Когда ты подошел, Хадди?

– Я проходил мимо и услышал, как ты рассказываешь о Мистере Диллоне. Хороший был пес, правда? Помнишь, как он укладывался на спину, когда кто-то говорил: «Ты арестован»?

– Да, – кивнул я, и мы улыбнулись друг другу, как улыбаются мужчины, когда говорят о любви или истории.

– Что с ним случилось? – спросил Нед.

– Умер, – ответил Хадди. – Я и Эдди Джейкобу похоронили его вон там. – Он показал на поле, которое заканчивалось холмом к северу от нас. – Лет пятнадцать назад. Так, Сэнди?

Я кивнул. На самом деле Мистер Диллон умер четырнадцать лет назад, чуть ли не в этот самый день.

– Как я понимаю, от старости? – спросил Нед.

– Он, конечно, был уже немолод, – кивнул Фил Кандлтон, – это точно, но...

– Его отравили, – яростно оборвал Фила Хадди и замолчал.

– Если ты хочешь услышать продолжение... – начал я.

– Конечно, – воскликнул Нед.

– ...тогда мне надо промочить горло.

Я уже поднялся, когда Ширли подошла с подносом в ру-

ках. На нем стояла тарелка с толстыми сэндвичами – с ветчиной и сыром, копченым мясом, курятиной и большой графин с ледяным чаем «Ред Зингер».

– Садись, Сэнди. Я обо всем позаботилась.

– Ты что, читаешь мысли?

Она улыбнулась, ставя поднос на скамью.

– Нет. Просто я знаю, что от разговоров у мужчин разыгрывается жажда, а уж голодны они всегда. Даже дамам иногда хочется есть и пить, не знаю, поверите вы мне или нет. Так что принимайтесь за еду, и я рассчитываю, что ты, Нед Уилкокс, съешь как минимум два сэндвича. Больно уж ты худой.

Сэндвичи и ледяной чай вызвали в памяти Биби Рота: он рассказывает Тони и Эннису о результатах осмотра «бьюика», а его дети, ненамного старше Неда, пьют ледяной чай и уплетают сэндвичи, приготовленные на той же кухне. Там только поменяли линолеум да поставили микроволновую печь. «*Время тоже сковано цепями*», – подумал я.

– Да, мэм, хорошо.

Нед ей улыбнулся, как мне показалось, из вежливости, не от души; его взгляд не отрывался от гаража Б. История эта зачаровала его, за прошедшие годы такое случалось со многими людьми. Не говоря уже про одну хорошую собаку. Пока я пил первый стакан ледяного чая, смачивавшего пересохшее горло, как бальзам, с настоящим сахаром, а не искусственными заменителями, мне представилась возможность

подумать, оказываю ли я Неду Уилкоксу услугу. И поверит ли он в остальное. Он мог подняться, повернуться и уйти, в полной уверенности, что я насмехаюсь над ним и его горем. Такое могло случиться. Конечно, Хадди, Арки и Фил поддержали бы меня. Как, разумеется, и Ширли. Когда появился «бьюик», она у нас еще не работала, но многое и повидала, и сделала с середины восьмидесятых, когда воцарилась в коммуникационном центре. Но парень все равно мог не поверить. Больно уж фантастической выглядела вся эта история.

Однако отступить было поздно.

– Что случилось с патрульным Рафферти? – спросил Нед.

– Ничего, – ответил Хадди. – Его отвратительная рожа даже не появилась на боковине пакетов с молоком¹⁹.

Нед в недоумении уставился на него, не зная, шутит Хадди или нет.

– Ничего не случилось, – повторил Хадди, уже более ровно и спокойно. – В этом и коварство исчезновения, сынок. Происшедшее с твоим отцом ужасно, я не буду пытаться убедить тебя в обратном. Но по крайней мере ты все знаешь. Это уже что-то, не так ли? Есть место, куда ты можешь прийти, положить цветы. Или отнести письмо о том, что ты принят в колледж.

– Вы говорите о могиле, – ответил Нед. От тона его голоса

¹⁹ В Америке практикуется печатать на пакетах с молоком фотографии пропавших без вести.

мне стало как-то не по себе. – Участке земли, с зарытым на нем ящиком, где лежит что-то, одетое в форму моего отца, но это не мой отец.

– Но ты знаешь, что с ним произошло, – настаивал Хадди. – С Эннисом... – Он развел руки, ладонями вниз, потом перевернул ладонями кверху, как иллюзионист после завершения очередного фокуса.

Арки чуть раньше ушел в дом, возможно, чтобы отлить. Теперь вернулся, сел.

– Все спокойно? – спросил я.

– Да и нет, сержант. Стефф просила передать, что с радиосвязью проблемы. Сильные помехи. Ты знаешь, о чем я. И DSS капнут. На экране телевизора надпись «НЕТ СИГНАЛА».

Стефф, Стефани Колуччи, племянница Энди Колуччи, работала в коммуникационном центре во вторую смену. DSS, маленькую спутниковую антенну, мы приобрели на собственные деньги, как и тренажеры, которые стояли в углу комнаты отдыха (год или два назад кто-то повесил рядом постер с качками, занимающимися на примерно таких же тренажерах в тюремном дворе Шейбена с надписью: «ОНИ НЕ ПРОПУСКАЮТ НИ ДНЯ»).

Арки и я переглянулись, посмотрели на гараж Б. Вероятно, микроволновка на кухне уже не работала. Мы могли остаться без света и телефонной связи, хотя такого давно уже не случалось.

– Мы собрали денег этой старой гримзе, на которой он был женат, – пробурчал Хадди. – По-моему, для взвода Д это большое дело.

– Я думал, мы собирали деньги, чтобы заткнуть ей рот, – вставил Фил.

– Этой рот бы ничто не заткнуло, – покачал головой Хадди. – Если она хотела что-то сказать, ее бы никто не остановил. Это знали все, кто с ней встречался.

– Мы, конечно, собрали ей денег, но она не была его женой, – уточнил я. – Сестрой – да, вроде бы я об этом говорил.

– Женой, – настаивал Хадди. – Они вели себя, как старая супружеская пара, разве что не занимались этим делом, да и то, кто может это утверждать...

– Тебе бы лучше замолчать, – подала голос Ширли.

– Да, пожалуй, – вздохнул Хадди.

– Тони пустил шляпу по кругу, и мы скинулись, кто сколько мог, – объяснил я Неду. – А потом брат Бака Фландерса, он брокер в Питтсбурге, инвестировал для нее эти деньги. Тони решил, что так будет лучше, чем просто отдать ей чек.

Хадди покивал.

– Он собрал нас всех в одном из банкетных залов в «Кантри уэй». Вопрос о Драконше был почти что последним в повестке дня. – Тут Хадди повернулся к Неду. – К этому времени мы уже знали, что Энниса никто не найдет, что Эннис не войдет в полицейский участок где-нибудь в Бейкерсфильде, штат Калифорния, или в Номе, на Аляске, чтобы

сказать, что после удара по голове у него отшибло память. Он ушел. Может, в то место, откуда прибыл тот мужчина в черном пальто, может, в другое, но ушел. Ни тела, ни следов борьбы, ни даже одежды не нашли, но мы точно знали, что он ушел. – Хадди невесело рассмеялся. – А эта злобная сука, с которой он жил, просто обезумела. Конечно, она и без этого была ку-ку...

– Это точно, – поддакнул Арки и взял сэндвич с ветчиной и сыром. – Звонила постоянно, три-четыре раза в день, Мэтт Бабицки чуть ли не рвал на себе волосы. Ты должна благодарить Бога, Ширли, что она умерла до того, как ты пришла к нам. Эдит Хаймс! Та еще штука!

– А что, она думала, случилось? – спросил Нед.

– Кто знает? – Я пожал плечами. – Может, считала, что мы убили его за карточные долги и закопали в подвале.

– Вы тогда играли в карты на базе? – с ужасом и удивлением спросил Нед. – Мой отец тоже играл?

– Да перестань, – отмахнулся я. – Тони снял бы скальп с каждого, кого поймал за картами в расположении взвода, даже если играли на спички. И я сделал бы то же самое. Это шутка.

– Мы не пожарные, парень. – В голосе Хадди слышалось столько презрения, что я рассмеялся. Потом он вернулся к теме: – Старуха считала, что мы причастны к смерти Энниса, потому что ненавидела нас. Она ненавидела любого, кто мешал Эннису постоянно находиться рядом с ней. Или нена-

висть – слишком сильное слово, сержант?

– Нет.

Хадди вновь повернулся к Неду.

– Мы забирали его время и силы. Но, думаю, лучшей частью жизни Энниса все же была та, которую он проводил с нами, то ли на базе, то ли в патрульной машине. Она это знала, вот и ненавидела нас... *«Работа, работа, работа, – говорила она. – Это все, что его интересует, чертова работа»*. Так что, с ее точки зрения, мы должны были забрать его жизнь. Потому что забрали все остальное.

На лице Неда отражалось недоумение. Возможно, потому, что ненависти к работе отца в его доме никто не питал. Во всяком случае, он такого не видел. Ширли мягко положила руку ему на колено.

– Она должна была кого-то ненавидеть, понимаешь? Должна была кого-то винить.

– Эдит звонила, – продолжил я, – Эдит доставала нас, Эдит писала письма своему конгрессмену и генеральному прокурору штата, требуя провести полномасштабное расследование. Я думаю, Тони все это знал, но через несколько дней, на том совещании, все равно предложил позаботиться о ней. Если мы не позаботимся, то кто, спросил он. Эннис не оставил много денег, поэтому без нашей помощи ее ждала нищета. Эннис застраховал свою жизнь и ему полагалась пенсия, тогда где-то восемьдесят процентов от жалованья, но она еще очень долгое время не могла получить ни цента.

Потому что...

– ...он исчез, – договорил за меня Нед.

– Правильно. Вот мы и собрали деньги Драконше. Порядка двух тысяч долларов, помогли патрульные Лоренса, Бивера и Мерсера. Брат Бака Фландерса вложил эти деньги в акции компьютерных фирм, тогда они только появились на бирже, и в итоге она получила кругленькую сумму.

Что же касается Энниса, то по подразделениям дорожной полиции Западной Калифорнии поползли слухи, что он удрал в Мексику. И очень скоро слух этот воспринимали, как святое писание: Эннис удрал от своей сестры, прежде чем она успела дорезать его своим языком-ножом. Даже кто знал, что случилось, или мог знать, начали говорить то же самое, даже кто сидел в банкетном зале «Кантри уэй» и собственными ушами слышал слова Тони Скундиста, что, по его твердому убеждению, «бьюик», стоящий в гараже Б, имеет непосредственное отношение к исчезновению Энниса Рафферти.

– Он разве что не сказал, что этот «бьюик» – телепортационная кабина для переноса на планету X, – ввернул Хадди.

– В тот вечер сержант говорил очень убедительно. – Как обычно, голос Арки ни на йоту не отличался от голоса Лоренса Уэлка, и мне пришлось поднять руку, чтобы скрыть улыбку.

– Как я понимаю, в письме конгрессмену она не упомянула о том, что у вас образовался филиал «Сумеречной зо-

ны»? – спросил Нед.

– Каким образом? – удивился я. – Она же ничего не знала. Именно для этого сержант Скундист и собрал то совещание. Чтобы напомнить нам, что рот надо держать на замке, а болтовня...

– Что это? – Нед привстал со скамьи. Я мог бы и не смотреть, и так знал, что он видит, но все-таки посмотрел. Как и Ширли, Арки и Хадди. Нельзя на это не смотреть, зрелище так и притягивает взгляд. Никто из нас не мочился и не выл, как бедный Мистер Диллон, но как минимум в двух случаях я кричал. Да, да. Кричал во весь голос. А потом мне снились кошмары.

Гроза смещалась к югу от нас. Природная гроза, но не другая. Та, что разразилась в гараже Б. Со скамьи для курильщиков мы видели яркие вспышки, освещавшие окна изнутри. Те самые окна на воротах. Чернильно-черные, они вдруг становились ослепительно белыми. И с каждой вспышкой, я знал, радио в коммуникационном центре накрывала волна помех. И на микроволновке часы уже не показывали время, а высвечивали слово «ERROR».

Но в принципе «гроза» разразилась не такая уж и сильная. После вспышек перед глазами плавали зеленые квадраты, но зрение сохранялась. А вот в самом начале, когда вспышки только запылали в гараже Б, смотреть на них было невозможно. Они будто выжигали глаза.

– Святой Боже, – прошептал Нед. На лице отразилось

изумление.

Нет, изумление – это мягко сказано. Увиденное потрясло его. Но чуть позже, когда он начал приходить в себя, я увидел тот же зачарованный взгляд, каким взирал на «бьюик», да и на гараж Б, его отец. Или Тони. Хадди. Мэтт Бабицки и Фил Кандлтон. Да разве я сам смотрел по-другому? Наверное, это обычное дело при столкновении с совершенно неведомым... когда мы заглядываем туда, где заканчивается привычный нам мир и начинается истинная тьма.

Нед повернулся ко мне:

– Сэнди, Господи Иисусе, что это? Что?

– Если тебе нужен термин, считай, что это светотрясение. Довольно-таки слабое. В наши дни оно всегда такое. Хочешь взглянуть поближе?

Он не стал спрашивать, не опасно ли сейчас подходить к гаражу, не разлетятся ли окна дождем осколков, не выйдет ли из строя фабрика спермы между ног. Ответил коротко: «Да-а-а!» И меня это не удивило.

Мы направились к гаражу Б. Нед и я – впереди, остальные – следом. Неравномерные вспышки резко выделялись на фоне уходящего дня, но вообще-то глаз регистрировал их и при ярком солнечном свете. И когда мы впервые удостоились этого зрелища (примерно, когда едва не взорвалась атомная станция на Три-Майл Айленде²⁰), «бьюик роудма-

²⁰ Три-Майл – остров на реке Саскуэханна близ г. Харрисберга, штат Пенсильвания, на котором расположена атомная электростанция, где в 1979 г. произошла

стер» одной из своих вспышек практически затмил солнце.

– Нам нужны темные очки? – спросил Нед, когда мы подходили к воротам гаража. Я слышал доносящееся изнутри гудение, то самое, на которое обратил внимание отец Неда, когда сидел за большущим рулевым колесом «бьюика» на автозаправочной станции «Дженни».

– Нет, достаточно прищуриться, – ответил Хадди. – В семьдесят девятом без темных очков ты бы, безусловно, не обошелся.

– Это точно, – поддакнул Арки, когда Нед прижался лбом к одному из окон, прищурился и заглянул в гараж.

Я встал рядом с ним, зачарованный как всегда. Смотрите внимательно, увидите живого крокодила.

«Роудмастер» предстал передо мной во всей красе, брезент, сползший с него, лежал на бетоне со стороны водителя. Я, само собой, видел в нем *object d'art*²¹, большой старый автомобильный динозавр с округлыми линиями, здоровенными колесами, ухмыляющейся радиаторной решеткой. Добро пожаловать, дамы и господа! Добро пожаловать на вечернее представление. На сцене «бьюик 8». Не обычный, конечно, «бьюик», так что попрошу сохранять дистанцию. Это произведение искусства может и кусануть.

Он стоял посреди гаража, неподвижный и мертвый... неподвижный и мертвый... а потом кабина осветилась яркой

первая в истории ядерной энергетики крупная авария.

²¹ *Object d'art* – произведение искусства (*фр.*).

вспышкой. Большое рулевое колесо и зеркало заднего обзора с удивительной четкостью вырвало из темноты, совсем как некие объекты на горизонте, подсвеченные при артобстреле. Нед ахнул и рукой прикрыл лицо.

Вспышки продолжились, бесшумные, отбрасывающие тени на бетонный пол и стену, где еще висели какие-то инструменты. Гудение слышалось очень отчетливо. Я нацелился взглядом на круглый термометр, свешивающийся с потолочной балки над капотом «бьюика», и при следующей вспышке без труда узнал температуру воздуха в гараже: пятьдесят четыре градуса по Фаренгейту. Низковато, но не очень: тревожиться следовало, когда температура падала ниже пятидесяти градусов²², а вот пятьдесят четыре считалось у нас еще не самым плохим вариантом. Однако все же не следовало искушать судьбу. За годы, проведенные рядом с «бьюиком», мы, конечно, установили кое-какие закономерности, но прекрасно понимали, что нельзя принимать их за аксиомы.

В очередной раз кабина «бьюика» полыхнула белым светом, потом больше минуты в гараже царила темнота. Нед застыл как изваяние. Не знаю, дышал ли он эту минуту.

– Это все? – наконец спросил он.

– Подождем, – ответил я.

Мы прождали еще две минуты, новых вспышек не было, я уже открыл рот, чтобы сказать, что мы можем вернуться на скамью, поскольку на сегодня фейерверк закончен, но тут

²² 12,2 градуса.

«бьюик» одарил нас последней вспышкой. Куда более мощной, напоминающей огненное щупальце, вырвавшееся из гигантского циклотрона. Щупальце это из заднего окна со стороны пассажирского сиденья протянулось к полке, где стояли старые коробки с крепежом. Коробки эти высветились светло-желтым светом, словно заполняли их не болты, гайки, шпильки и шайбы, а зажженные свечи. Гудение усилилось, от него заныли зубы, завибрировали глаза, – и сошло на нет. Как и свет. Гараж наполнила чернильная тьма. Выделялся в ней лишь силуэт «бьюика», поблескивающий хромированными частями.

Ширли шумно выдохнула и отошла от окна, у которого наблюдала за происходящим внутри. Она дрожала всем телом. Арки подошел к ней, успокаивающе обнял за плечи.

Фил, стоявший у окна справа от меня: «Сколько бы раз я этого ни видел, босс, привыкнуть не могу».

– Что это? – спросил Нед. От восторга он помолодел лет на десять, разом став младше сестер. – Почему это происходит?

– Мы не знаем, – ответил я.

– А кто еще об этом знает?

– Все патрульные, служившие во взводе Д за двадцать с небольшим лет. Кое-кто из Дорожной службы. Окружной комиссар дорожной полиции...

– Джеймисон? – уточнил Хадди. – Да, он знает.

– ...и начальник полиции Стэтлера Сид Броунелл. Кроме них, практически никто.

Когда мы возвращались к скамье, все закурили. Нед, похоже, тоже не отказался бы от сигареты. Или чего-то другого. Скажем, глотка виски. На базе ситуация возвращалась к норме. Стефф Колуччи уже заметила, что статические помехи сходят на нет, еще немного, и DSS на крыше начнет принимать все каналы, сообщающие нам результаты спортивных соревнований, рассказывающие о событиях на фронтах, радующие сериалами. И если все это не заставит вас забыть о дыре в озоновом слое, тогда, клянусь Богом, ничто не заставит.

– Как вышло, что остальные об этом ничего не знают? – спросил Нед. – Событие неординарное, как удалось сохранить все в тайне?

– Да что тут неординарного, – улыбнулся Фил. – Это всего лишь «бьюик». Был бы «кадиллак», тогда, конечно... не сохранили бы.

– Некоторые семьи не могут хранить секреты, а некоторые могут, – ответил я. – Наша смогла. Тони Скундист собрал совещание в «Кантри уэй» через два дня после появления «бьюика» и исчезновения Энниса, именно убедиться, что нам это удастся. Тони проинструктировал нас по многим вопросам. Разумеется, коснулся и сестры Энниса... как нам позаботиться о ней, как реагировать на нее, пока она не остынет.

– Если она и остыла, я об этом ничего не знаю, – прокомментировал Хадди.

– ...и как нам вести себя с репортерами, если она обратится в газеты.

В тот вечер в банкетном зале «Кантри уэй» собралась дюжина патрульных, с помощью Хадди и Арки я смог перечислить их всех. Со многими из них Нед не встречался, но фамилии наверняка слышал за обеденным столом, если его отец иногда говорил о работе. Большинство патрульных обычно говорят. Не о самых жутких происшествиях, разумеется, размазанные по асфальту трупы – это не для жены и детей, а о каких-то забавных случаях. О том, как паренек из амишей катался на роликовых коньках по центру Стэтлера, держась за хвост мчащейся галопом лошади и хохоча, как безумный. Или о том, как нам пришлось беседовать с одним парнем на Калвертон-роуд, вылепившим из снега обнаженных мужчину и женщину, занимающихся сексом. «Но это же искусство!» – кричал он. Мы пытались объяснить ему, что соседи его творение искусством не считают. И эта скульптура для них – верх непристойности. Если бы не внезапное потепление и дождь, наверное, нам бы не осталось ничего другого, как передавать дело в суд.

Я рассказал Неду, как мы сами перенесли столы в пустующий банкетный зал, как Брайан Коул и Дикки-Дак Элиот выпроводили официанток, и мы закрыли дверь. Обслуживали себя сами, благо закуски уже стояли на сервировочном столике. Потом все, кто не был при исполнении, выпили пива, к потолку потянулся сигаретный дым. Питер Куинленд,

ресторан тогда принадлежал ему, обожал Фрэнка Синатру, так что его песни лились из динамиков громкой связи, пока мы пили, курили, разговаривали: «Как хорошо быть женщиной», «Осенний ветер», «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и, конечно, «Мой путь», может, самая тупая попсовая песня двадцатого столетия. Теперь, услышав Фрэнка Синатру, я сразу же вспоминаю банкетный зал «Кантри уэй» и «бьюик» в гараже Б.

Про исчезнувшего водителя «бьюика» мы могли сказать следующее: имя и фамилия неизвестны, примет нет, как и оснований предполагать, что он нарушил закон. Вопросы об Эннисе следовало воспринимать серьезно и отвечать на них честно... прежде всего потому, что лгать и не требовалось. Да, мы все в недоумении. Да, мы все встревожены. Да, мы дали соответствующую информацию куда только можно. Да, вполне возможно, что Эннис просто решил сменить место жительства и работу (нам даже рекомендовали говорить: «Все возможно»), но патрульные взвода Д сделают все возможное, чтобы позаботиться о сестре Энниса Рафферти, очень милой даме, которая так расстроена исчезновением брата, что может многое наговорить. «Что же касается самого «бьюика», если кто-то будет задавать вопросы насчет него, отвечайте, что он конфискован, – сказал нам Тони. – И больше ни слова. Если кто-то сболтнет лишнее, я выясню, кто это сделал, и выкурю его, как сигару. – Он оглядел зал: подчиненные смотрели на него, но ни один не позволил себе улыбнуться. Они достаточно долго прослужили под его на-

чалом, чтобы знать: когда у него такое лицо, он не шутит. – С этим ясно? Задачу все поняли?»

На мгновение согласный гул заглушил Фрэнка, поющего «Это был очень хороший год». Задачу мы поняли, это точно.

Нед поднял руку, и я замолчал, радуясь возможности перевести дух. Да и вообще не хотелось мне возвращаться к воспоминаниям о том давнем собрании.

– А как насчет анализов, которые провел Биби Рот?

– Они нас не порадовали. Вещество, которое выглядело как винил, на самом деле таковым не являлось. Близким по составу, но не более того. Краска не соответствовала краскам, применяемым в автомобильной промышленности. Дерево, правда, оказалось деревом. «*Похоже на дуб*», – сказал Биби, но больше ничего не сказал, как ни напирал на него Тони. Что-то его тревожило, но что именно, он говорить не захотел.

– Может, не мог, – предположила Ширли. – Может, и сам не знал.

Я кивнул.

– Стекло – обычный триплекс, но без маркировки фирмы-производителя. Другими словами, устанавливалось оно не на сборочном конвейере Детройта.

– Отпечатки пальцев?

Я начал загибать свои пальцы.

– Энниса. Твоего отца. Брэдли Роуча. Точка. Мужчина в

черном пальто своих пальчиков не оставил.

– Должно быть, был в перчатках, – сказал Нед.

– Мы об этом, конечно, думали. Брэд точно не помнил, но вроде бы видел руки того парня, такие же белые, как лицо.

– Иногда люди потом просто придумывают такие подробности, – вмешался Хадди. – Показания очевидцев обычно не так надежны, как хотелось бы.

– Пофилософствовал? – осведомился я.

Хадди великодушно махнул рукой.

– Продолжай.

– Биби не нашел в автомобиле следов крови, но образцы, взятые из багажника, показали наличие микроскопических следов органической материи. Биби не смог их идентифицировать, потому что разложились. За неделю на предметных стеклах ничего не осталось. Только использованный закрепляющий раствор.

Хадди поднял руку, как ученик в классе. Я кивнул.

– Через неделю мы не нашли тех мест, где эксперты делали соскобы, на приборном щитке и рулевом колесе. Дерево как бы затянулось. То же самое произошло и с обивкой багажника. Если поцарапать крыло перочинным ножом или ключом, через шесть или семь часов царапина исчезает.

– Он восстанавливает себя? – спросил Нед. – Он это может?

– Да, – кивнула Ширли, достала из пачки «Парламента» новую сигарету, закурила, быстро и нервно затягиваясь. –

Твой отец уговорил меня принять участие в одном из его экспериментов: я держала видеокамеру. Он прочертил длинную царапину на дверце водителя, под хромированной полосой, и мы навели на нее видеокамеру и оставили включенной, возвращаясь через каждые пятнадцать минут. Ничего драматического не произошло, но было интересно, прямо-таки как в кино. Царапина становилась все мельче, темнела по краям, словно подстраивалась под остальную краску. И наконец, исчезла. Бесследно.

– А шины, – внес свою лепту Кандлтон. – Стоило проткнуть одну отверткой, как из дырки начинал с шумом вырываться воздух. Но шум постепенно переходил в свист, который скоро замолкал. А потом отвертка падала на бетон. Шина выталкивала ее, как тыквенное семечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.